

ГРОМОВА УЛЬЯНА

Громова Ульяна

Жестокие игры

«Литнет»

2020

Ульяна Г.

Жестокие игры / Г. Ульяна — «Литнет», 2020

Виталя — мой бывший сосед и первая любовь. Спустя несколько лет мы снова встречаемся в университете. Он то спасает меня, то требует держаться подальше, а то смотрит так, будто видит впервые. Я уверена: он что-то скрывает. Но правда оказывается куда страшнее. — Ты обещал поговорить со мной о... том, втором. — О Егоре, — подсказал Виталя и притянул меня к себе. — Хакер не соврал: у меня раздвоение личности. Только мне надо быстренько сбегать и пристрелить одного хорошего человека, а потом я вернусь. Я закатила глаза, уверенная, что он опять шутит. — Ты придурок, Гром. — А ты пока Пашку попытай. Он тебе про Егора расскажет. Виталя не шутил ни о Егоре, ни об убийстве. И пока один из них пытается вывести меня из смертельной Игры, второй сам хочет со мной поиграть.***Прежде чем радоваться, что добро побеждает, стоит убедиться в том, что зло — это не вы.

© Ульяна Г., 2020

© Литнет, 2020

Содержание

Глава 1. Не трусь, я сам боюсь	5
Глава 2. Мы. Учимся. В одном. Универе...	11
Глава 3. Надо было черничное брать	17
Глава 4. Пришла пора играть по-взрослому	23
Глава 5. Не по Сеньке шапка	30
Глава 6. Ноу-хау	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Глава 1. Не трусь, я сам боюсь

*Прежде чем радоваться, что добро побеждает,
стоит убедиться в том, что зло — это не вы.*

Тихонько поцарапавшись в дверь, в комнату спиной вперед протиснулась официантка. Чуть не оступилась на разбросанных ботинках, повернулась испуганно. Еще бы! Ей год пахать на попавшие под ноги норковые ботфорты с золотыми пряжками! Чудный ротик девчонки открылся, а щеки залились пунцовой краской. Она чуть не уронила поднос с батареей бутылок и сырной тарелкой, но я приложил палец к губам, призывая к молчанию, и глазами показал на столик, задом к которому в махровой набедренной повязке-полотенце на корточках стояла Алинка.

Я собрал волосы пятерней и глубже насадил ее рот на мой член, не давая низвергнутой к моим ногам королеве универа повернуться и увидеть наивную дуреху, у которой от неловкости и испанского стыда покраснели даже колени. Что эта невинность делает в элитной сауне, вообще? Синее форменное платье чуть ниже задницы, черные гольфы и — вишенкой на этой пошлой безвкусице — малиновый, как сейчас ее щеки, галстук с эмблемой комплекса «Нимфа» ей шли, как штырю передничек.

Я жестом руки показал ей поскорее ставить на стол поднос и уматывать отсюда, пока из сауны в комнату отдыха не выскочила остальная компания — не хотелось, чтобы эту девчонку увидели здесь мои сегодняшние спутники.

Но официантка бесила. Замерла с приоткрытым ртом, тарасилась так, будто увидела моего двойника.

Я застонал, чтобы заставить эту пигалицу отмереть.

Она бросилась из предбанника... зажмурившись. Когда грохнулась, зацепившись за колченогий диван, я чуть не взвыл от боли, потому что Алинка от неожиданности едва не прокусила мне член.

Неловкая девчонка с писком скрылась за дверью, оставив на сетчатке моих глаз пожизненный отпечаток вида ее стройных ножек и изящной попки в малиновых трусиках-шортиках.

Олег, Боря, Денис и две холеные девицы — свита королевы — высыпали из сауны, разгоряченные не только паром.

— Прости... — обронила виновато Алинка.

А я натянул на бедра простыню.

— Что это было? — падая в кресло и вытирая пот рукой, спросил Ден. Впрочем, в его голосе особого интереса не было. — Виталик, кинь в меня бутылкой, — попросил он.

Я встал и за горлышко переправил штоф с коньяком в руку старшекурсника. Взял свою почти опустевшую пачку «Capitan Black» и вышел на улицу покурить.

Стояли последние дни апреля, и природа уже сменила погодный ассортимент на летний, а сегодня вдруг устроила февральский айс — столицу накрыло пришедшим с севера циклоном, и с утра пробрасывал снег с дождем. Пришлось надеть утепленную куртку.

— Виталья... — услышал за спиной голос Алинки. Она вышла, тоже обмотанная простыней, встала рядом, поежилась. — Мы дальше в боулинг, ты с нами?

— Пожалуй, откажусь, — кинул я равнодушно и сунул в рот следующую сигарету, так и не повернувшись к девушке.

— Жаль, — она провела кончиками пальцев по моему прессу и заглянула в глаза.

— Мне тоже, — бросил сухо.

Из сауны я ушел первым. Мог уехать на такси, как и приехал, но решил прокатиться до метро на автобусе по вечернему ближнему Подмоскovie, немного подумать — имелось над

чем — и просто проветриться. Было уже поздно, когда я зашёл под козырёк остановки и увидел под ним одинокую фигурку девушки. Когда оказался ближе, понял — это та самая официантка.

Она заметила меня, отвернулась, подняла воротник короткого пальтишка и уткнулась в него лицом.

— Привет, — я проигнорировал ее смущение. Уж кому и стоило бы прятать глаза, так это мне. Закурил, глубоко затянулся, задрал голову, выпустил дым маленькой тучкой, повернулся к напуганной девчонке и спросил: — Зовут как?

— Ма... Марина... — буркнула она тихо, стрельнув сердитым взглядом, и отошла на шаг.

— Ты прости за то, что видела там, — зачем-то сказал и снова глубоко затянулся.

Мы молчали несколько минут. Я пинал камни на дороге, изредка бросая взгляды на соседку по остановке — перед глазами так и вставала пикантная картинка: шикарная попка в простых трусиках. Будто чем больше на них ушло плотной ткани, тем надежнее они защитили бы их владелицу от всего, что происходит в элитных борд... саунах.

А Маринка словно застыла в одной позе, напряженная и как будто испуганная. Да, я сегодня плохой парень, самому от себя тошно, но что поделаешь? С волками быть — по-волчьи быть.

Когда автобус подошел, я пропустил девчонку вперед, не отказав себе в удовольствии попятиться на обтянутые узкими джинсами ножки, и оглядел салон: чуть дальше сидели трое пацанов. Один наплыл оценивающим взором на фигурку Марины. Она села к окну сразу у входа и отвернулась, вжавшись в спинку сиденья. Я загрузил смельчака тяжелым взглядом, на всякий случай незаметно в кармане просовывая пальцы в защиту для кулака, и с видом собственника сел рядом с девчонкой. Одну руку положил на спинку сиденья за ней, наклонился, вдохнул сладковато-свежий и слегка вызывающий аромат парфюма и юной кожи и тихо сказал:

— Не трусь, я сам боюсь.

Я просто мастер успокаивать, ага.

Снова захотелось закурить. Я сидел и выстукивал по пластику незатейливый мотив привязавшейся песни, игравшей в сауне, пытаюсь понять — на кой мне сдалась эта девчонка? Подумаешь, если эта троица позабавится с ней. Может, ей вполне по душе такое? Скромняшки в таких местах, как «Нимфа», не работают. А эта... Окинул ее внимательным взглядом, повернул двумя пальцами к себе лицо за подбородок. Губешки задрожали, взгляд олененка, носик засопел от возмущения, губки пухлые... так бы и впился...

Тр-р-р... Что за бред?

Член налился тягучим желанием. Да что за на хрен?!

Марина через несколько остановок несмело завошкала и, снова едва взглянув на меня, тихо пропищала, чтобы пропустил. Я подвинулся, давая ей проскользнуть к выходу перед остановкой, и краем глаза заметил, что компания парней подорвалась к другой двери. Девчонка тоже это заметила, сжалась вся в комочек — как только дымком не просочилась в щель между створками двери? — взглянула на меня испуганно распахнутыми глазами, закусила губу и отвернулась.

То есть?..

Блядь!

Я тяжело вздохнул. Меньше всего хотелось заканчивать сегодняшний вечер разборками не в своем районе.

Автобус остановился, двери открылись, парни высыпались из него горохом и мгновенно растворились в темноте. Я нахмурился и в последний момент выпрыгнул на улицу следом за девушкой. Ни один фонарь не горел, а прямо от остановки дорожка вела куда-то вглубь микрорайона через небольшой парк. Я вынул руки из карманов и шел на полкорпуса сзади и сбоку от Марины, чтобы не сковывать себе движения — четко понимал, что просто так ей пройти не позволят.

Хоть я и был готов, но момент, когда парни выскочат перед нами на дорожку, предсказать было невозможно. Увернулся от удара, поднырнул под руку и чуть не вынес челюсть одному — убивать никого не собирался и смял силу апперкота в последнее мгновение. Впечатал в лавку второго приемом каратэ и услышал вопль девчонки — третий, по закону жанра, увидев, что двоих я вывел из игры, приставил ножичек к ее горлу. Я вынул из пачки сигарету, закурил, с наслаждением втягивая горячий дым в легкие, чуть запрокинув голову и с прищуром оценивая возможность задуманного маневра, сплюнул никотиновую слюну и спросил равнодушно, даже не взглянув на девушку:

— Че надо?

— Бабу твою трахнуть, че непонятного? — нагло заявил парниша.

— Такая же моя, как и твоя, — пожал я плечами, снова затянулся и оставил сигарету висеть на губе. Снял защиту с костяшек пальцев, сунул в карман, показывая, что на конфликт не настроен. — Трахай, мне она отказала, — пожал плечами. — Может, тебе повезет. С таким-то аргументом, — ухмыльнулся, кивнув на лезвие.

Еще раз затянулся и уверенно пошел по дорожке. Встретил твердо взгляд напуганной до полусмерти девчонки и отвел безразлично глаза... а через пару шагов, поравнявшись с ней, плюнул в лицо парню горящий окурочек, в тот же момент резко подсунул ладонь под руку с ножом, схватил за запястье и молниеносным приемом выкрутил подонку за спину. Второй рукой дернул девчонку за себя и воткнул парня башкой в землю, наступив на перочинный ножик. Всех дел — три секунды.

Двое первых уже поднимались, но всем им явно расхотелось трахаться и отвечать мне взаимностью. Хотя наивным я не был. Запахло мочой. Неужели пацан обоссался? Я вроде за грань болевого порога не заходил...

Взял Марину под локоть и повел по дороге быстрым шагом. Она плакала, вытирая сопли, все рвалась от меня убежать.

— Не дергайся, дуручка... Где живешь? До квартиры провожу, — буркнул я недовольно, разглядывая безлюдный спальный район — прям находка для ловли припозднившихся девочек.

— Я сама добегу, вон мой дом, — всхлипнула девчонка, указывая на высотку за темными кронами.

— Угу, уже чуть не досакала! — рыкнул раздраженно.

Свечка с одним подъездом и вялым светом фонаря. Марина торопливо дрожащими пальчиками набирала код домофона, я окинул взглядом пустынный двор, как зверь втягивая воздух — запах мочи преследовал. Перевел взгляд на ножки девчонки передо мной, полюбоваться напоследок точеной красотой...

...Твою. Мать.

Сам не понял, как сунул руку ей между ног. Так и есть — описалась она. Эти темные полосы по внутренней стороне джинсов глаз не обманули.

Марина взвизгнула, повернулась. Глаза по блюдцу, слезы с рубль, губехи трясутся, зубки стучат так, что в соседнем районе слышно.

Да блядь!

Сердце сжалось, аж вздохнуть больно.

Убью уродов!

Взял ее за плечи, рванул на себя, обнял крепко и... накрыл красивые губы поцелуем — словно мозг выключился, едва она попала в мои руки. Накинулся, как голодный, на теплый рот, облизывал ее язык и сосал губы со стоном, потому что сердце пульсировало на кончике головки. Маринка стояла ни жива ни мертва, словно деревянная. Лишь это отрезвило. Отпустил резко, ее аж повело ко мне — пришлось за плечи придержать. Горло словно колючей проволокой затянуло: ни вдохнуть, ни слова сказать — так накрыло от запаха нежного, от

дыхания горячего, от ощущения гибкого тела в руках. Аж картинка перед глазами задержалась судорожно — так жгло неистовой потребностью содрать с нее всю одежду и облапать во всех местах, чтобы вилась и плавилась подо мной.

Пиздец как яйца сжались.

Тяжело дыша, я протянул за Маринку руку и набрал дежурный код, открыл дверь:

— Иди, — прохрипел низким от дикой взбесившейся похоти вибрирующим голосом, — я постою. Если что — ори.

Прибегу и оттрахаю в подъезде.

Она пару секунд смотрела на меня, ошавевшая, а потом неожиданно кинулась на шею и прижалась губами к моему рту. Неумело совсем. Еле успел выставить ногу, чтобы дверь не закрылась, и удержаться, чтобы не опрокинуться с ней на спину — хорош бы я был: трое парней не свалили, а девчонка уложила на обе лопатки.

Не успел додумать, как она исчезла в подъезде, а через пару рваных вдохов услышал, как заскрежетал ключ... хлопнула дверь на первом этаже. Через несколько секунд справа в глубине квартиры загорелся свет.

Руки тряслись, я привалился к фонарному столбу, выудил из пачки последнюю сигарету и затянулся жадно. Дико хотелось расслабить штаны — жало в паху. Че ж меня так переклинило-то, а? Будто задниц я мало классных видел. А Маринка еще девственница, похоже — неопытность из каждого жеста и взгляда так и прёт.

Подождал еще пару минут напротив ее окон, оценивая, — слишком низко расположен первый этаж, я спокойно мог бы залезть. Да кто угодно смог бы. И нет решеток.

Я развернулся и пошел назад в парк — нужно было довести начатое до конца, — но трех ублюдков на месте не обнаружил. Интересно, местные это или специально выскочили из автобуса за Маринкой? Постоял минут десять, прислушиваясь, — тишина. Плохо. Нахмурился и вернулся к дому девчонки.

В окне зажегся свет, я увидел навесные шкафы — кухня, — а следом и саму девушку. На ее голове было намотано полосатое полотенце — вышла из ванной. Маринка выглядела такой мелкой и беззащитной, когда куталась в махровый халат и стояла задумчиво, прислонившись бедром к столу, согревая о кружку ладошки.

Я достал сотовый — почти час ночи, в метро не успел. Нашел приложение «Яндекс.Такси» и вызвал машину. Время ожидания — шесть минут, значок иномарки разворачивался где-то на другой стороне парка в конце квартала.

Марина поставила кружку на стол, потеряла устало лицо и ушла из кухни, выключив свет. И, будто только и ждала этого сигнала, подъехала «субмарина». Я сел в машину, молча откинулся на спинку сиденья и прикрыл глаза.

Спокойной ночи, Маринка...

Не могла уснуть.

Ни горячий душ, ни чай с мятой, ни капли пустырника никак не могли побороть то, что творилось у меня в душе. Хотелось провалиться сквозь землю от стыда. Меня аж выкручивало от того, что я описалась от страха.

Ну вот за что?!

Я вообще сегодня не должна была работать в сауне! Вчера отработала последнюю смену и сказала управляющему, что не приду больше! Впереди зачеты, конкурс «Мисс Университет», сессия, а в городе объявился какой-то маньяк, и бабушка встала на дыбы. Но днем мне на карту капнуло три тысячи рублей, а следом раздался звонок Ольги — молодой женщины, моей коллеги. Она сквозь лающий кашель хрипло умоляла подменить ее хотя бы на вечер и кинула оплату за две мои полные смены! Я аж зажмурилась, чтобы заглушить совесть, и согласилась. Как раз конец месяца, у бабушки практически кончилась пенсия, а у меня — деньги на дорогу.

И Ольга столько раз меня выручала, когда я не могла прийти вовремя после универа. Конечно, я согласилась, хотя коленки тряслись от одной мысли, что надо обслуживать вип-домики. Я отработала в «Нимфе» всего несколько месяцев и обслуживала лишь обычные номера. Люди туда приезжали в основном семейные, спокойные, да даже если и были шумные компании, то охранник всегда рядом, и никаких эксцессов не случилось.

А тут... Мне еще повезло, что из трех вип-домиков один уже освободили, когда я пришла, во втором был девичник — пьяные веселые женщины за сорок гуляли на широкую ногу и чаевых мне отвалили столько, что я поняла, почему Ольга — мать-одиночка двух мальчишек-близнецов — легко скинула мне такую сумму, да и вообще держалась за свою работу. А вот третий домик... это было попадалово.

Меньше всего я ожидала увидеть там компанию мажоров из своего универа — раз; Виталию — два; и в такой пикантной ситуации — три.

В душе медленно перевернулся шипастый ком, раздирая ее в кровавую кашу. Ночь, темно, я одна в своей комнате — и все равно сползла под одеяло с головой и закрыла горящее лицо руками, потому что мне было стыдно *так...* врагу не пожелаешь.

Одно успокаивало — Виталия не замечал меня в универе до этого, с чего бы ему замечать меня теперь? Он вообще не узнал во мне соседскую девчонку младше его на шесть лет. Парень в юности учился в кадетском корпусе и дома бывал только в выходные дни. Приходил такой весь сильный, подтянутый, уверенный в себе, а я каждую пятницу торчала у окна или сидела на лавке у подъезда, чтобы не пропустить его. Конечно, он не обращал на меня внимания, гонял на мотоцикле, соревновался с друзьями в подтягивании на турнике, пел под гитару песню про лягушку[1]... Мое сердце трепетало от одного его голоса, взгляда на него, а когда Виталия весело подмигивал и говорил при встрече на лестничной площадке «Привет, соседка!», я готова была целовать воздух и его дверь от щенячьего восторга.

Когда мои родители собрались уезжать в Краснодар, я устроила истерику, что никуда не поеду. Только, такая глупая, думала, что ко мне переедет жить бабушка с другого края Москвы, а вышло все наоборот — меня перевезли к ней и перевели в другую школу.

И вот в этом году после зимней сессии я увидела в главном корпусе МГУ *его*. По привычке стала его тенью.

Но *он* меня в упор не видел. Это я знала расписание его лекций, какой дорогой и во сколько он пойдет, где поставит свою цвета мокрого асфальта бэжу, и даже аромат его парфюма — древесный, с нотками соленого моря и крепкого рома. Я снова караулила Виталию, ждала, затаив дыхание, а потом старалась унять сильно бьющее сердце, которое появление бывшего соседа чувствовало, даже если глаза его еще не видели. Все просто исчезало, когда он появлялся в радиусе ста метров. И я безошибочно поворачивала голову туда, куда показывал мой внутренний компас.

Я накрыла голову подушкой и застонала жалобно и бессильно, стоило подумать, что завтра снова увижу его в универе. Только теперь, похоже, уже не одного. Эта присоска Алина Верховая — королева универа, дочь медиамагната, владельца глянцевого журнала и канала на телевидении — заняла место, которое всегда хотела занять я.

Я закусила ладошку, чтобы не завывать, и до утра так и не уснула.

Спал всего пару часов. И то был не сон, а какой-то бред. И бредил я этой девчонкой в малиновых трусиках. Все время стояла перед глазами то ее аппетитная попка — что аж пальцы крючило, так хотелось сжать манящие дольки, — то глазищи испуганные, мокрые. Кусал губы, потому что вкус ее слез пристыл к ним намертво. Впрочем, не мне об этой пигалице думать. Ей просто подфартило, что на меня нарвалась в сауне и что на такси не поехал. Но на этом и все. Проехали.

Однако остаток ночи я смолил сигарету за сигаретой, и мысли плутали от Маринки к делам с Олегом и невесть откуда явившейся тревоге, которую я прихватил еще из сауны. Еле дождался, когда пришло время ехать в универ. Машина осталась на стоянке рядом с МГУ, и сегодня это оказалось удобным — за руль все равно бы с утра не сел.

Таксист уже ждал меня — вчера попался нормальный разговорчивый пацан, и я договорился, чтобы он отвез меня в универ. У Димона как раз закончилась смена, и мой вызов ему полностью в карман.

— Ты словно и не ложился, — хмыкнул он, пожав мне руку, когда я буквально упал на сиденье рядом с ним. «Субмарина» взяла с места с пробуксовкой и врезалась в стремительный поток машин, как торпеда. — Ласточка, — погладил парень по панели свою тачку. Сам он был бодр, будто и не таксовал всю ночь. Я от души зевнул, с трудом закрывая ладонью пасть. — Сейчас мы тебя разбудим! — хохотнул мой ровесник и дал газу. Я и сам стритрейсер, и город знаю неплохо, но почувствовать себя на месте Сталлоне в «Такси 3» оказался не готов. Сон и расслабленность как рукой стерло, когда обеими своими вцепился в ручку и сиденье. — Не ссы! Профессиональное экстрим-вождение, дрифт и ралли на каре и спортивном болиде на лучших спецтреках Европы! Я ж дублер в кино! Каскадер!

Он вел машину играючи лишь на взгляд со стороны. Его собственный был сосредоточен, движения четкие, траектория полета — назвать ездой такие скорости язык не поворачивался — рассчитана до миллиметров и миллисекунд, хотя довольная улыбка с губ трюкача не сползала. Когда он остановил машину на Воробьевых горах, у меня еще оставалось время выпить кофе и прийти в себя.

— Спасибо, — процедил я сквозь сжатые зубы, стараясь сохранять хладнокровие. — Фух! — выдохнул, наконец расслабляя живот и разжимая внутреннюю пружину, чувствуя, что на лбу от напряжения выступил пот. — Жив. Блядь. Реально — высший пилотаж.

Бомбила захохотал и хлопнул меня по плечу:

— На связи, если что! Когда в городе — всегда прилечу!

Уж точно — прилетит. Болид «земля — воздух».

Я вышел из машины, ворча, что кто-то пересмотрел кино. Но океан адреналина в крови тарашил зенки, которые, подозревал, горели, как огни светофора — так же ярко, причем один мигал, потому что веко дергалось. Я еще пару раз глубоко вдохнул-выдохнул и через площадь зашагал в МГУ, окончательно успокаиваясь убойной дозой никотина.

[1] Имеется в виду песня «Три желания». Автор неизвестен. Уличное творчество.

Глава 2. Мы. Учимся. В одном. Универе...

Алина стояла спиной ко мне, склонив голову набок, выставив ножку вперед, и крутила ступней на высокой шпильке, добавившей ей десять сантиметров роста. Черные густые волосы волной рассыпались по спине до самого пояса, темно-серая юбка чуть выше колен плотно обнимала узкие бедра и круглую задницу, руки сложены под внушительной — пятерочка точно — грудью. Она повернулась, заулыбалась так, что я на пару секунд затормозил — здрасти вам с кисточкой! Звезда небо с землей попутала? Еще одной порции адреналина моя психика не выдержит!

— Виталя, приве-ет! — Она подступила ко мне, повисла на шее и наредила помадой на щеке.

— Привет, — хмыкнул, все еще не догоняя, за что мне такое «счастье» привалило.

Вчера она просто нафеячилась и под дурью сама захотела отсосать мне, а сегодня-то что? Едва сдержался, чтобы не пощупать ее лоб. Я не первый парень в универе, чтобы метить меня не то галочкой, не то крестиком.

Невольно скосил взгляд на блузку Алинки: белая и строгая в комплекте с прямой юбкой — как училка. Расстегнутый ворот и верхняя пуговица — консервативная эротичность, призванная возбуждать. Но я-то знал, что под этой маской ни стыда, ни совести. Только штырь на Верхову вообще не среагировал. Перед глазами малиновой пеленой стояли малиновые Маринкины трусики.

Какого она вообще делала в сауне?! Надо было спросить вчера... Но ничего, приеду и отшлепаю крепкий орешек, и задам этот вопрос лично. Да, точно, так и сделаю. Я просто должен узнать, как она после вчерашнего, но на этом и все. Больше не буду о ней думать. Вообще. Точно говорю.

— Виталь, давай встретимся на большом перерыве? Есть тут укромное местечко... — пропела Алинка, глядя мне в глаза влажным взглядом, и кончиком языка провела по краешку нижней губы.

Королева хотела взять реванш и намекала вполне прозрачно: я тебе отсосала, ты мне отлижи. Щаз-з! Уже язык стерся!

— Может, пообедаем вместе? — предложил я нейтральную территорию.

Алина на секунду зависла, но кивнула и неожиданно накинута — аж наши зубы стукнулись, — грязно целуя с языком, а потом отпустила, потянув за нижнюю губу зубами. Больно. Королева недовольна. Ну ничего, будет орать у меня, когда доберусь до ее тела. Мало не покажется.

Поднял взгляд — королевская свита шушукалась метрах в трех дальше по коридору, не сводя с меня взгляда. Аля и София, кажется. Я подмигнул им и улыбнулся. Девчонки захихикали, переглядываясь, выперли сиськи вперед, пока Верхову не видела. Я ухмыльнулся и повел взгляд назад, к обузе на своей шее, мазнул им по стенке, у которой пошевелилась какая-то тень. Сердце екнуло, тело вздрогнуло, перед глазами замелькали черные мушки, член заинтересованно поднял голову.

Марина.

Мы. Учимся. В одном. Универе.

Твою. Мать.

Хотелось хорошенько тряхнуть эту пигалицу. Какого черта?! Она знала?! Знала? Знала! И ни черта не сказала!

Мне будто дали под дых. Дико захотелось уничтожить оставшийся в легких воздух дымом сигареты. Королева универа на шее теперь казалась камнем, который утащит на дно. Похлопал

себя по карманам, достал пачку «Captain Black», отцепил от себя руки Алинки и шагнул по коридору к выходу.

— Виталь! — пулей ударилось в спину недовольное.

Да не пошла бы ты...

Душили слезы. Хотелось орать и реветь, а еще больше — вцепиться в шикарные космы Верховой и протащить ее по полу в этой белоснежной блузке, а ему — просто надавать по щекам...

...и чтобы он поймал меня за руки, прижал к стене и поцеловал на глазах у этой шлюхи, сказал, что просто хотел подразнить, что ему нужна только я... Наивная...

Когда отошла от стены, показалось, что Виталия меня заметил. Но нет — он просто искал по карманам сигареты. А так хотелось, чтобы повернул голову! Вдруг, если бы увидел, подошел бы хоть просто поздороваться? Вот бы Алина разозлилась!..

...и уничтожила меня потом. Самая красивая девушка в университете, модель, не раз снимавшаяся в рекламных роликах и смотревшая на мир с обложек глянцевого журналов, ведущая молодежного ток-шоу «Между нами говоря».

Я бросилась в туалет, заперлась в кабинке и дрожала от ледяной дыры в груди на месте сердца, которое высыпалось острыми осколками, что жгли ревностью. Сидела на крышке унитаза в кабинке и кусала ладонь чуть не до крови, чтобы не разреветься. Не знала как сегодня смогу учиться. Хотелось уйти с занятий, закрыться дома и реветь в подушку.

Легче было справляться со своими чувствами зная, что у Виталии нет девушки. И вообще я сама виновата. Могла же просто подойти к нему и сказать: «Привет, сосед! Узнаешь меня?»

Подвывала тихо-тихо, спуская эмоции. Веки налились свинцовой тяжестью, я чувствовала себя разобранной на части.

Это вчерашний поцелуй... Затопала ногами от того, как стало обидно, кулаки сжимались, ногти впивались в ладони, только я даже не чувствовала этого, потому что зажмурилась, задрала голову, будто это помогло бы удержать слезы.

Боже, больно-то как видеть их вместе!..

«Жду в “Шоколаднице”», — пришло сообщение от Алины.

За двадцать минут до конца ленты я молча собрал учебники и вышел из кабинета. Забежал к знакомой секретарше в приемную ректора, назвал адрес и узнал нужную мне фамилию, номер телефона и курс. За обещанную шоколадку Оксана согласилась помочь. Я стоял у двери аудитории, когда она постучалась и попросила Марину Хорошилову выйти на минутку, улыбнулась мне и удалилась в приемную.

Маринка выскочила из кабинета так стремительно, что я еле успел ее поймать. Прижал к стене у двери за плечи и еле сдержался, чтобы не впиться в пухлые губы поцелуем. Еле отодрал от них взгляд:

— Ничего не хочешь мне сказать? — спросил строго.

— Иди к своей Алине! — гордо задрала она нос.

Затащить бы в туалет, спустить трусы и наплевать по голой заднице за то, что вчера не сказала, что мы учимся вместе. Все три пары думал только о ней, о том, как теперь все усложнилось. Я едва мог стоять в полушаге от Марины, хотелось придавить всем телом, почувствовать ее тепло, кусать, целовать, вдыхать ее необычный запах... Смотрел в глаза сердито, стараясь не сползнуть взглядом на губы, но видел их и терял секунды.

— Держись от меня подальше, поняла?! — процедил сквозь зубы.

Не хотел напугать, но она вспыхнула уже знакомо, будто под тонкой кожей загорелись угли, губешки задрожали, а на ресницы навернулись слезы. Меня прижимало к ней, намертво клеило, я вяз в ее глазищах, словно подернутых туманом и блестящих одновременно. Тонул в

них, из последних сил пытаюсь выплыть и хлебнуть свежего воздуха, потому что рядом с ней грудь распирало, мозг клинило, штырь топырило.

Да что ж такое-то?!

Сжал кулак и вломил со всей дури по пластиковым панелям, проломив дыру в этом дурном наваждении, развернулся и ушел злой, как сто тысяч демонов. Я ненавижу себя, бесился из-за нее, внутренности словно связывало в узел, а теперь, когда жирно поставил неизбежную точку, просто горел от боли и непонимания — да как так-то?! Зачем она мне нужна?! Мелкая трусишка, у которой все мысли на лице!

Глотал пустоту в горле, с трудом забирая контроль над эмоциями назад себе в руки. Прозвенел звонок, я сбавил шаг, когда студенты посыпались из всех дверей, будто белки с утеса на яхту капитана Врунгеля, вышел из корпуса и сразу закурил. Одну, вторую. Пока дошел до «Шоколадницы», успел принять четыре дозы, но толку было мало.

Сел за стол у окна и уставился через проспект на выход из метро. Карусельные двери дозированно выплевывали и утаскивали в нутро подземки людей, немного отвлекая от неприятного предчувствия. Я подавил тяжелый вздох, заказал тайский кофе с мороженым и кокосовой пастой.

Его подали вместе с Алиной и ее марокканским чаем.

— Ты вошел и даже не посмотрел по сторонам... — с непонятной интонацией констатировала она. — А я заняла нам столик в алькове, — теперь упрек с намеком на обиду.

Королева куксится?

— Владеешь телепортацией? — вздернул я бровь.

— Ушла с пары раньше за тобой следом, думала, ты тут...

МРТ не надо — просканировала нарочито равнодушно, аж захотелось попросить заключение. Но я просто отпил свой кофе, поставил кружку и улыбнулся широко, от всей души:

— А пойдем в кино на последний сеанс? — проигнорировал вопрос в её интонации. — Возьму билет на последний ряд. — А пока взял кружку обеими руками.

Маринка не выходила из головы. Сбивала с намеченной дороги, обещала проблемы и запредельное наслаждение... Её хотелось накрыть собой и сделать наш первый раз охренительным! Чтобы плакала от оргазмов, а я бы целовал соленое лицо и шептал, какая она...

Да твою мать!

Алина улыбнулась настороженно, с едва заметным прищуром, как будто я ей что-то должен. Мне нужно быть осторожным, иначе провал.

А тут еще Маринка... и просто какой-то животный зов тела...

Я перебрал картотеку своих улыбок и решил, что лучше всего подойдет нахальная:

— Ну или где ты еще не занималась любовью?

Напряжение в воздухе разрядилось вместе со звонким смехом Алины:

— Ну ты и козел! — откинулась она на спинку стула и сложила руки под грудью.

— А у тебя грудь красивая.

Я откровенно уставился на ложбинку между двумя полушариями, по размеру не уступавшими половинкам глобуса на кафедре международных отношений.

Только сиськи Маринки, аккуратные и маленькие, казались яблочками из райского сада, они всецело владели моим разумом и искушали вкусить их сладость. Она сама и есть сладость, нектар, мед, патока...

— Эй! Эй! Эй! — замахала перед глазами ладошкой Алина. — Виталь, ты где?

Где-где. В облаках. Вернее, в постели с Маринкой.

Поднял на сокурницу ослепленный навязчивыми картинками взгляд и прохрипел севшим от возбуждения голосом:

— Трахаю...

Маринку.

— ...тебя на капоте моей машины.

Дернулся от воткнувшейся мне между ног ступни Алины — проверяла стояк. От того, как он палил, я мог бы подкурить. Старшекурсница осталась довольна, я получил самую щедрую награду — совершенно искреннюю улыбку и сверкающий азартом взгляд принцессы телевизионной жвачки.

Я лишь телом присутствовала на последних парах, совершенно не воспринимая ничего вокруг. Что я ему сделала? За что он так? На что вообще взбесился? До сих пор не могла прийти в себя после его яростного удара в стену. Впервые видела бывшего соседа таким злым. «Держись от меня подальше!» Будто я держалась к нему поближе... Неужели он все-таки видел меня в коридоре? Все время? Или только сегодня? И что он подразумевал под «ничего не хочешь мне сказать?»?

Голова шла кругом. Уже когда вышла на улицу, поежилась от холодного влажного ветра, вздохнула и вспомнила, что хотела найти подработку. Вот об этом и надо думать, а не о придурке Витале.

Правда, не думать о нем не получалось.

— Маринка, ты куда исчезла? — услышала за спиной голос Ники. — Я только на минуту отвернулась, повернулась — тебя след простыл!

Я не могла назвать ее подругой, мы познакомились только здесь, и не сказала бы, что плотно общались. Но Ника почему-то выделяла меня из прочих однокурсниц, хотя легко нашла общий язык со всеми, и потому ее безоговорочно выбрали старостой группы. Она развела бурную деятельность, была в курсе всех сплетен и, самое удивительное, как-то с ходу влилась и в круг старшекурсников. Нику не задирали, как некоторых первокурсников, она всем казалась «своим парнем». Наверное, мне бы радоваться, что она взяла надо мной шефство, но мне было плевать. Я вообще не слишком компанейский человек, совершенно теряюсь в незнакомом обществе, избегаю соборий и вообще все мои мысли заняты только им — моим неожиданно-негаданно объявившимся прошлым... которое сегодня жестоко и беспощадно приказало держаться от него подальше.

— А что ты хотела? — невинно похлопала я ресницами, не понимая, с чего такое негодование.

— Ну ты что совсем, что ли?! — всплеснула она руками. — Сама же утром сказала, что тебе новая работа нужна! Иди к ректору, им вроде лаборантка требуется на кафедру!

Ника схватила меня за руку и потянула назад в здание университета. Вот когда она все успевает?

— А как я буду работать в то же время, когда учусь? — Я уперлась ногами, как капризный ребенок. Такая работа мне вообще не подходила.

— Ой, забей! Ну снимут тебя с пар — наверстаешь! — убеждала она меня.

— А зарплата какая? — я шла и все равно сомневалась.

— Откуда я знаю? Сама спросишь! Зато можно еще подработку найти после занятий!

А вот это уже аргумент.

Алинка со мной осторожничала. Сверлила взглядом, думая, что не вижу этого, иногда казалось, что она препарирует меня, как ту несчастную лягушку. Искренне улыбалась, только когда я сыпал комплиментами или говорил о себе. А я сегодня говорил о себе возмутительно много.

— ...Если хочешь, можем съездить к отцу вместе, — предложил после душераздирающей истории о том, как мать сбежала от нас, когда узнала, что он болен шизофренией.

— А это не опасно? — выражение ее глаз спорило с тоном голоса — Верховая хотела убедиться в правдивости моей легенды, но не очень-то хотела делать это лично.

Я молча взял ее за руку и потащил из кинотеатра, наплевав на скорое начало сеанса. На ходу вытащил сотовый и позвонил в частную клинику:

— Вадим Юрьич, можно приехать сегодня? Через час-полтора, как пробки позволят, — уточнил я и повел Алинку к своей машине.

— Виталь, может, в другой раз? — все же засомневалась она.

Но я, властный негодяй, пропустил ее протесты мимо глаз, ушей и прочих органов чувств, изо всех сил воодушевленно улыбаясь, «счастливый», что она «прониклась» к моей горькой судьбе.

Правда, когда дверцы машины за нами захлопнулись, девчонка тут же перелезла ко мне на колени и впилась в губы грязным поцелуем, обшарила рот языком и прикусила нижнюю губу. Опять.

— Алин... может, тогда вернемся в кинотеатр? — предложил я, капитулируя.

Девчонка совсем недвусмысленно терлась промежностью о мой пах и расстегивала пуговицы на блузке, медленно оголяя большие груди. Я закатил глаза, запрокинул голову и резко ткнулся в ее буфера лицом, вызвав у нее веселый смех. Отодвинул сиденье подальше от руля.

Вдуть ей сейчас как следует — фиаско. А королева хочет аж не может. Только желания у нас не совпадают, а что член стоит — вообще не ее заслуга. Это Маринка из головы не выходит, чтоб ее приподняло и на член мой опустило! Глаза ее испуганно распахнутые, и как зажмурилась, что слезы выступили большие, прозрачные, соленые — я помнил. Нашел кого запугивать, кретина кусок... Она и так на пути не попадалась, с чего наехал на нее вообще?! Дебил, мать твою!

Алинка застонала. Всю жизнь думал, что горячий темперамент южных цыпочек достается только их мужьям, а до свадьбы они ни грамма в рот, ни сантиметра в жопу. А тут бери посреди бела дня — сама раздевается.

Повернулась королева, попку оттопырила, юбочку на талию завернула... На улице едва ли плюс десять по шкале Цельсия, а тут чулки и стринги...

Член уже штаны рвал, но опять королевские потуги мимо — это он на тут же возникшие перед глазами малиновые трусики Маринки вызверился. Черт... Выдрать пилотку Алинки или не выдрать?

Не выдрать — я к такому повороту не готов, презервативы не купил. И вообще не стоит. На нее не стоит.

— Вит? — обернулась Алинка, бровь вздернула.

А я, как идиот, на ее задницу вытаращился, а видел совсем другую.

— Прошу прощенья, крошка, залип, — обезоруживающе улыбнулся и схватился пальцами за половинки королевской попы. — Иди-ка ко мне... — прошептал на ухо, притянув к себе Верхову и хватая губами ее сережку.

Так и хотелось рвануть, чтобы смылась с моих колен, и нестись к дому Маринки, убедиться, что она дома, делает уроки. Если поедет снова в сауну — ноги сломаю, будет на домашнем обучении сидеть, дурочка малолетняя!

— А ты знаешь, как обращаться с девушками, — промурлыкала Алина.

Да я еще ничего и не делал...

Алина нажала кнопку, сиденье под нами опустилось. Не, так не прокатит. Сегодня мой выход.

Обхватив её за талию, неловко подмял под себя и вытащил груди из кружевного лифчика. Малиновые соски топорщились, и этот цвет снова напомнил о Маринке. Собрал губами ореол и засосал так, что Алинка вскинулась и выгнулась подо мной от боли. А я обещал, правда, вслух не произносил. Сейчас орать будешь, крошка, я тебе устрою небо в алмазах.

— Повернись! — скомандовал грубо, обещая, что сказки кончились, пора творить добро по-взрослому.

Алинка наигранно закатила глазки, но перевернулась и сразу принялась тереться о мой торчок задницей. Я сдвинул тонкую ластовицу ее стрингов, обхватил локтем горло, запрокидывая голову королевны, провел пальцами другой руки по ее губам, нажимая и заставляя открыть рот, сунул в него два, чтобы облизала, а сам долбил ее стиснутым штанам членом между ног, как в голову ужаленный.

Машина раскачивалась весьма однозначно, Алинка отвечала своим представлениям о том, что мне нравится, громко постанывая и подмахивая упругими дольками. Только ни хрена она не угадала. Я подсунул под нее слюнявые пальцы и закрутил клитор между ними, не давая вздохнуть: больно, горячо, быстро, безжалостно. А ей нравилось, текла, как испорченный кран, моя ладонь уже вся намокла от ее соков. Чуть придушил королеву голожопую, все так же бесконтактно трахая, аж искры из глаз сыпались. Зажмурился, пытаюсь прогнать образ Маринки, скользнул в трепетавшую щель Алинки подо мной двумя пальцами и затрахал ее грубо, бугром ладони нажимая на клитор и растирая его до ровного места. Алинка выгнулась вся, как струна натянулась, замерла, даже не дыша, закатила глаза, раскрыв рот, тряслась, только сиськи болтались от моих безжалостных быстрых движений, и вдруг стиснула пальцы влагалищем и чуть ли не ультразвуком заорала нечленораздельные не то междометия, не то маты, не то их комбинацию.

По салону разлился запах секса, когда я вытащил из Алинки пальцы и вытер о ее стринги и задранную юбку, пока поправлял их на ней. Сейчас выставлю эту трахнутую особу и полечу к Маринке.

Локоть затек, я поднялся, подождал, пока Алинка справится с одеждой и пересядет на другое сиденье, поднял свое. Проглотил крутившийся на языке вопрос «Чего еще желает Ваше Величество?», выключил обогрев — и так было жарко, — приоткрыл оба окна, впуская осенний воздух, чтобы продуть салон от запаха похоти, и достал из бардачка новую пачку сигарет. Закурил, откинулся на спинку сиденья, нацепил на лицо довольную ухмылку и закрыл глаза, наслаждаясь первой глубокой затяжкой.

— Кайф, Алинка. Просто улет. Но мне все-таки надо к отцу, раз уже договорился. Поедешь со мной?

Ответ знал, на него и рассчитывал.

— Нет, я домой, — промурлыкала она и руку на мой пах положила.

А там колом все и пульсирует. Ее лицо вытянулось.

— В другой раз, — убрал ее ладошку. Ну да, я старался, чтобы все у нее внутри горело еще долго, будто драли ее три члена с шипами. Ей наверняка больше всего на свете сейчас хотелось сесть в прохладную воду. Но такое чувство, что опустили в ледяную меня, когда она вернула руку на пах и начала расстегивать ремень. — Если хочешь...

Я подавился затяжкой. Закашлялся так, что думал — легкие выхаркну, из машины выскочил, ртом воздух хватал, за горло держась. Еле дышать нормально смог. Привалился к машине, приходя в себя. Член завял, Алинка отвяла. Сигарета одиноко дымилась на асфальте.

Через пару минут королева, уже застегнутая под воротничок и в шубке автоледи, вышла, аккуратно прикрыла дверцу и обошла машину. Похлопала меня по щеке, чисто как холопа, чмокнула воздух возле моих губ уже накрашенными своими и шагом от бедра направилась к своей белой ламбе.

Уф-ф...

Теперь к Маринке. Узнаю, что в сауне — выволоку за волосы, сниму штаны, нашлапаю по голому заду... и зацелую его до синих засосов...

Да что ж это такое-то?!

Глава 3. Надо было черничное братъ

Вечерние пробки бесили. Пока добрался до Маринкиного дома, матом трахнул всех лузеров на дороге, скурил полпачки сигарет и отбил руки о руль. Боялся, что девчонка успеет свинтить на смену в сауну. От этой мысли яйца поджимались как в ожидании неизбежного пинка. Сверну шею, не приведи бог ей туда сунуться. Так будет лучше, чем однажды ее распишут на троих-четверых-пятерых ни хрена не в хорошей прогрессии.

Пока доехал, нервы взвинтил так, что дрожали руки, машину припарковал прямо у подъезда, подпер, как будто этим мог перекрыть ей ход. С чего бы ей меня спрашивать — даже не думал. Сказал, не пойдет — точка. Надеюсь, повелительное наклонение она не хочет от меня прочувствовать. А я могу. Особенно сегодня. Прямо дико чешется нагнуть и отпороть.

Блядь... Что за мысли?!

Выкурил сигарету, сидя в машине, чтобы немного успокоиться. Надо бросать. Или на безникотиновые переходить. Выполз из-за руля и подошел к кухонному окну — свет горел, за шторкой я видел чью-то тень, но Маринка это или нет? Потоптался под окном и вернулся в машину да так и застыл — девчонка шла через дорогу из того парка, где я отбивал ее у трех полудурков. Бедро стройные под юбочкой соблазнительно очерчивались при каждом шаге, грудь небольшая под шелковым шарфиком дерзко вздрагивала — аж слюни потекли. Подошла к машине — не подойти к подъезду, только если обтереть грязь с крыла машины. Возмущенно вскинула взгляд на водителя — на меня то есть — и застыла. Я залип, пока смотрел ее эмоции — она вспыхнула снова, в глазах возмущение, узнавание, удивление... Завел машину, сдал назад на метр, наклонился и дверцу с пассажирской стороны открыл:

— Садись!

— Отвали! — фыркнула она и в подъезд пошла. — Придурок!

Сам знаю.

Меня как накрыло — она сейчас за железной дверью забаррикадируется, никакими ключами ее оттуда не достану. Выскочил из машины и рывкнул:

— А ну в машину села! Быстро!

Марина аж на месте подпрыгнула, обернулась, глазищи опять с чайные блюдца. Напряглась вся, но вернулась, села, спина прямая, руки на колени положила.

Нагнулся, лицо к лицу, глаза в глаза...

...губы в губы... пил ее дыхание, не давая ему раствориться в воздухе, и надышаться ее сладким дерзким запахом не мог...

Тряхнул головой, наконец, нащупав ручку дверцы. Захлопнул и выпрямился. Она, кажется, даже выдохнула расслабленно. Я зачем-то снова завел машину, обогрев пожарче врубил — Маринку постоянно согреть хочется, взять ее, мелкую, в плед укутать и на коленках держать в руках, чтобы разомлела от тепла, поддалась... и на кровать ее положить, зацеловать, чтобы горела вся, как её щеки, пылала, как костёр, и согреться в ней, раствориться, забыться...

Блядь! Блядь! Блядь!

Я схватился за сигарету нервно, сунул аж две в зубы, чертыхнулся, одну в окно швырнул, вторая прилипла и следом полетела. Выматерился и дал газу, машину с места сорвал с визгом покрышек, чуть на дорогу, что в десяти метрах, кузнечиком не выпрыгнул. На девчонку не смотрел — всю душу вымотала! Сейчас лупить по стене возле ее лица хотелось сто раз кряду. Или двести. Дал круг вокруг парка. Потом второй. Как бешеный заяц, убегал от себя и от нее, держа рядом. Она молчала, а я на третьем круге ларек с мороженым увидел. Остановился, два ведерка взял: с джемом из малины — для меня, зеленое яблоко — для нее. Попросил у продавщицы две ложки пластиковые и вернулся за руль. Закатился опять в ее двор, сунул ей в руки банку килограммовую:

— Ешь!

Она взяла робко, открыла осторожно, царапнула по краешку порцию с горошину, языком слизнула, ложку между губ сунула и сжала... Я это все взглядом проводил, и член чуть трусы не порвал.

Вцепился в свое ведро, черпанул от души.

— Ты мороженое поестъ приехал? — осмелела она.

— Угу, — буркнул я, набивая рот порцией с обилием джема.

А сам мысленно уже раздел ее и языком в этом малиновом джеме ее сосочки облизал, весь животик вымазал и ниже сползал, так лизнуть ее бугорок хотел, пройти языком по складочкам, вычистить их от влаги возбуждения как следует...

— Можно у тебя попробовать? — услышал.

Чуть ложку не проглотил.

— Ч-чего?

Повернулся к ней, аж дыхание потерял. Она уже джем в моем ведре на ложку собрала и мороженное отколупывала, а я смотрел на такое близкое, склоненное над моими ногами, лицо, и мысли такие непристойные в голову лезли: ведерко отодвинуть, член вытащить и дать ей попробовать. Пока представлял, она полную ложку наковыряла и поднялась, на меня смотрит и в рот розовый шарик сует. Сглотнули вместе.

Надо было черничное брать.

— У тебя вкуснее, — сообщила она и подтек джема с ложки языком слизала.

Меня как спицей насквозь прошило. Сунул ей в руки свое ведро и ложку, снова машину завел, выкатился на дорогу и, как возбужденный кот, которому скипидар под хвост плеснули, помчался в город.

Он уже огнями расписался, светился весь, пробки рассосались. Куда ехал — сам не знал, просто хотел, чтобы Маринка рядом была, мысли в порядок привести, от развязных фантазий отвлечься. Музыку включил. Тепло, уютно стало. Поговорить захотелось.

— Что ты в сауне делала? — спросил я и повернулся к девчонке, краем глаза за полосой следя. Разглядывал ее лицо, в полумраке салона машины такое красивое.

— Работала, — пожала она плечами.

— Когда теперь на смену? — зло спросил, чувствуя, что закипаю снова.

— Я ушла оттуда.

Даже яйцам легче стало. Пот со лба утер — когда только вспотел так? Сделал обогрев поменьше.

— Ты ешь-ешь, — заулыбался, как придурок, — пока все не съешь, домой не повезу.

— Два кило мороженого?! — засмеялась она. Весело так, непринужденно. Я невольно залюбовался ей. Правда красивая. И смех у нее красивый. И сиськи сто процентов тоже красивые. — Я ж с ангиной свалюсь!

— Зато под ногами не будешь путаться.

Блядь! Я это вслух ляпнул?!

Чуть чуб себе не выдернул от досады на самого себя. Хотя... к лучшему. Мотало меня как перекасти-поле — то к ней, то от нее, сам не знал, чего хотел и добивался.

Она насупилась вся, помолчала и выдала:

— Ты как пришел в универ, так меня и не замечал, мог бы и дальше не замечать, я тебе на глаза не лезла, — с обидой такой, констатация факта.

Отвернулась к окну, напряглась вся.

— Мороженое ешь, сказал! — гаркнул, дебила кусок, потому что растерялся — как не видел-то ее? — Блядь, Марин, ешь, а? Вот правда, молчи лучше, потому что... — мне надо подумать.

— А то что? Свою Верхову натравишь, чтобы меня титьками задавила?

Ух ты! Ревнует?!

— А ниче у нее сиськи, да? — нахально улыбнулся я и склонился к Маринке, положил голову на узкое плечо. Получил в ухо, когда дернула им, а потом отмахивался одной рукой, смеясь и держа руль, потому что девчонка лупила меня по голове и по чему придется. — Воу! Воу! Полегче! Сейчас врежемся! — я закрутил руль резко влево-вправо, бросая машину из стороны в сторону, следя по зеркалам за другими тачками.

— Чего ты вообще приперся?! — выкрикнула она и перестала меня дубасить. — Чего тебе надо от меня?!

— Трахнуть тебя хочу, — признался и, положив руку на пах, сделал пару пошлых движений поясницей. Член стойко держал осанку. — Решил мороженым соблазнить. Ты соблазнилась?

— Да пошел ты! — заорала она во всю глотку.

Открыла окно и выкинула оба ведра прям на Кутузовском проспекте.

— Тогда какого хера ты в сауну работать поперлась?! А?! Другой работы не нашла?! Ждала, пока тебя там растряхают во все щели?! Этого хотела?! — Я орал так, что слюни летели, чувствовал, как лицо покраснело от напряжения. Орал как сумасшедший, как сорвавшийся с цепи маньяк. — Давай снимай штаны, насажу на хуй так, что... — подавился словами, когда на нее взгляд кинул.

Скрутилась вся, будто я бил ее наотмашь со всей дури, руки к груди прижала, аж ноги подобрала, в угол забилась и плакала. А я дышал тяжело, будто марафон на всей скорости пробежал, воздуха не хватало, под сердцем кололо от того, как молотило оно, разбивая ребра в хлам. Скатился в первую попавшуюся подворотню, ремни отстегнул и на руки девчонку перетянул, к себе прижал и лицо принялся целовать, слезы пил, текшие по лицу, то в губы впиивался, то глаза целовал, то щеки... Руки сами потянулись под пальтишко и рубашку. Согреть всего лишь хотел, успокоить и самому успокоиться, да только дымящийся член — плохой утешитель, его так от запаха и близости к нему тела девчоночьего долгожданного прошло, что мозг навывлет просто — ладонью грудь Маринкину упругую накрыл и...

...прилетела такая жгучая пощечина, что будто в Кассиопею слетал — так звезды из глаз вылетели и сложились. Отрезвило мгновенно.

Маринка с коленей моих назад на свое сиденье уткнулась, как песок между пальцев, одежду поправила, пристегнулась и отвернулась. И молча сидела.

Я сигарету достал, вышел, затянулся. Постоял на улице немного, подождал, пока лицо гореть хоть немного перестанет. Ни одной мысли в голове. Полный штиль. Словно ударом все мозги мне вышибла. Хихикнул, как придурок, от мысли, что, может, первый контакт с инопланетянами мой мозг установит и вернется уже прокаченным, чтобы такую дурь впредь не творил. Вернулся за руль, пристегнулся, завел тачку и к девчонке повернулся. За руку хотел взять — выдернула.

— Прости, Марин.

Вывел машину из подворотни и повез девчонку домой, не спеша, наслаждаясь моментами, пока она рядом. Расслабленный, откинувшись на спинку, положив локоть на руль, вторую руку опустил на свое бедро. Вполоборота к девчонке, открытый. Бей, пинай, ругай — заслужил. А она молчала. В окно боковое смотрела, обняла себя, к дверце привалилась, чтоб от меня отодвинуться по максималке.

Сволочь я. Но пусть лучше держится от меня подальше — целее будет.

А чего сам-то приперся к ней тогда?

Не знаю, как не выскочило стекло, а следом за ним и Виталя — так я хлопнула дверцей машины. Вот придурок! Да застрелись он — плевать я на него хотела! Сначала в сауне траха-

ется с Верховой, нападает на меня в универе, потом припирается с мороженым, лезет с поцелуями и... и... Руки бы ему пообломать!

Я тоже хороша — расквасилась вся, разомлела. Развесила слюни и уши! А ему только и надо было мне в трусы залезть! Ну что я за дура такая?! Вбила себе в голову этого Грома! Ну ладно тогда, когда была еще школьницей с заигравшимися гормонами, но сейчас-то что? Сама себе придумала какую-то любовь, а на самом деле все просто — тело повзросло, а ни о ком другом я никогда и не думала. И парня у меня никогда не было. Вот и заиклилась на Витальке!

А как заиклилась, так и расциклюсь. Все! Решено! Завтра же соглашусь сходить в кино с одноклассником Антошкой. И на студенческий вечер после конкурса «Мисс Университет» пойду с ним, хотя вообще туда не собиралась! И платье для этого случая куплю такое, что этот Гром еще слюни на меня пускать будет, а Верхову от зависти сдохнет! Корова с титьками пятого размера и короной набекрень! Ненавижу!

Домой зашла взвинченная, швырнула сумку в комнату, проходя мимо нее, и сразу направилась в кухню, откуда слышны были голоса дикторов московского канала, который принадлежит семье Верховой, мать ее, Алинки! и причитания бабушки.

— ...ой-ой-ой, деточка совсем молоденькая, что в городе творится-то... — первое, что я услышала, когда вошла.

— Что произошло?

Я побренчала кастрюлями в поисках еды, налила борща полную тарелку, плюхнула ложку жирной сметаны и накрошила сверху свежей зелени. Нашла дольку лимона и присланную родителями смесь кавказских специй. Устроилась за столом и уставилась в экран телевизора, так и не дождавшись от бабушки ответа. Только сунула ложку в рот, как показали накрытое черным полотном лежащее на асфальте тело, а чуть поодаль еще что-то под тряпкой, из-под которой виднелись... покрытые кровью длинные светлые волосы...

— Это голова... что ли? — в шоке спросила я, с трудом проглотив суп.

— Ох, Мариночка, уже не первый труп с оторванной головой. Взрывом, говорят, отрывает. Ох, этот прогресс! Зачем он нужен только?! Так изощренно убивают!

— И что, не могут найти, кто это делает?

— Полиция от комментариев отказывается, люди пикеты устраивают, самосуд чинить собираются...

Бабушка пересказывала новости и совсем запутала меня, маньяк это убивает или организованная банда, и я окончательно перехотела есть. Отодвинула тарелку и тоже таращилась на экран. И правда, оказывается, уже не первый пикет, наезды на полицию нешуточные, а они как в рот воды набрали. И эта Верхову, корова с дойками, тут как тут! Ну как же на папочкинском канале с горячей новостью не засветиться?! Я с неприязнью смотрела, как возмущалась Алинка в микрофон, разумеется, именно ей подсунутый журналисткой. Активистка хренова! Первая красавица универа.

Как теперь развидеть то, как она сосала член Виталькин? У-у-у, сука! Бесит! Шлюха! А он?! Он тоже хорош! А сегодня приперся — «трахнуть тебя хочу»! Вот урод! Как я могла в такого влюбиться? Нет, я точно придумала себе это чувство, мне просто показалось! Все, больше никаких ожиданий его в коридорах, охов и вздохов, томных взглядов вслед и уж точно никакой ревности к элитной корове! Пусть ее этот наглый бык приходит и вымя мнет! Ненавижу! Обоих! Да застрелитесь оба! Сама бы обоим головы поотрывала!..

...Суп я все-таки доела. Так разозлилась, что все эти дикие и ужасные новости, казавшиеся такими нереальными, просто отошли на очень дальний план. Мне нужно было готовиться к сессии — раз, к конкурсу «Мисс Университет» — два, морально настроиться на поход в кино с Антоном — три. Вообще некогда думать о коровах, коронах, Витальях и их хотелках.

Зашла в свою комнату, включила настольную лампу и села позаниматься. Только время зря потеряла, пока по городу каталась с этим придурком! Уже бы все сделала.

Нет, вот точно — теперь все!

Я взялась за учебник по экономике, открыла сайты онлайн-магазинов брендовой одежды и нашла в соцсети страничку Антошки — схватилась за все дела сразу, не в силах сконцентрировать ни на одном. Потому что вот так сразу выбросить из мыслей Виталию я оказалась бессильна — привыкла думать о нем. И ревность эта еще душила, хоть я и старалась не поддаваться ей. И все равно так плохо на душе было, так обидно, так себя жалко, что чуть губы не откусила, пока зубами их терзала, чтобы в голос не разреветься.

Бросила все, разделась, схватила пижаму и теплые носки — у меня всегда холодные ноги, и я из-за этого плохо сплю — и пошла в ванную.

Вспомнила, что у бабушки есть початая бутылка армянского коньяка на случай вирусной инфекции. А чем Виталька не вирус?! Пошла в кухню, смешала себе коктейль с «Пепси», залезла в наполненную пенной водой ванну, сделала глоток из бокала, чувствуя, как согреваюсь снаружи и изнутри, взяла телефон, чтобы написать Антону, что согласна — пусть берет билеты уже на завтра, пока я не нашла вторую работу, и увидела входящее сообщение:

«Спокойной ночи, Марина. Прости за то, что испортил тебе вечер».

Олег и Алина

— Я не хочу иметь с ним больше дел! — кипятилась Алина, лежа в ванне, наполненной теплой пенной водой. Олег сидел на бортике и гладил сводную сестру по коленке, торчавшей из воды. — У меня там все болит! — захныкала она, скривившись.

— У него что, член с тюнингом? — коротко хрюкнул от смеха Олег. — Ушки, кукуруза или что у него там появилось?

— Пальцы у него, как наждачка!

— Так он тебя даже не трахнул, а слил?! — Олег захохотал, запрокинув голову и широко открыв рот.

— Идиот! — выкрикнула Алина и плеснула в него водой. Потом еще раз. Он прикрыл лицо рукой, но смеяться не переставал, казалось, даже еще больше развеселился. Алина не выдержала и рывком стащила его в ванну прямо в брюках и рубашке. — Тебя бы так! — ударила кулаком по воде, еще больше заливая пол.

— Остынь, сестренка! — смеялся Олег, выбираясь из воды. Стащил с себя прилипшие хлопковые домашние штаны и рубашку, потом боксеры, ничуть не тушуясь под ее взглядом. Вытерся полотенцем и бросил его на скользкий пол, чтобы впитало лужу с радужными пузырями. — Если бы я не хотел трахать девку, я бы просто послал ее, а он вежливый — шпилит тебя пальцами! Джентльмен!

— Я теперь его пальцы в кошмарах буду видеть!

— Ты его не возбуждаешь, крошка. Где твои чары? Мы с тобой о чем договаривались? Он должен в тебя втрескаться, а ты его подсадить на бабки и заставить сыграть. А ты даже сиськами нормально потрясти не сумела!

— Да пошел ты!

Алина встала во весь рост, вода струилась по ее подтянутому телу, она шагнула через бортик на полотенце и тут же оказалась закутана в другое. Олег подхватил ее на руки и вынес в смежное помещение, за которым была сауна. Посадил на массажный стол и размотал махровое полотенце.

— Ложись, помогу расслабиться, — улыбнулся беззлобно.

Алина послушно легла, повернувшись на живот. Олег взял тубик с бесцветным массажным маслом. Выдавил тонкой струйкой на ее плечи, ниткой по позвоночнику и между ягодиц, нарисовал кружочки на двух упругих половинках, наследил до самых пяток по одной ноге и другой и принялся растирать плечи и руки, осторожно разминая мышцы. Алина на самом деле была вся напряжена, а массаж расслаблял так, что забылось даже саднившее ощу-

щение внутри влагалища. Когда сильные руки Олега опустились на ее ягодицы, чуть раздвинула ножки, закрывая глаза. Наслаждалась разминающими движениями сводного брата, все чаще уделявшему внимание внутренней поверхности бедер и местечку между ног, кружочку между ягодиц.

Пальцы уже кружили по клитору и между нежных складочек, возбуждая ее, ласкали вход, но не проникали внутрь. Алина наслаждалась ощущениями, когда Олег взял ее за подбородок и повернул голову. Она открыла глаза — перед ее лицом торчал возбужденный член, чуть загнутый вверх, с каплей смазки и явным намерением занять ее рот. Сводный брат надавил на подбородок, вынуждая приоткрыть губы, и толкнулся между ними своим стояком, завернул руки Алины за спину и перехватил запястья, вынуждая прогнуться. Член скользил по ее языку в глотку, а пальцами свободной руки Олег, нависнув над сводной, гладил ее клитор. Он двигал бедрами все резче и быстрее, а когда Алина начала давиться от его напора, вскочил на кушетку, прихватил тубик с маслом, налил его в ладонь и между ее ягодиц, размазал субстанцию по члену и толкнул в попу жесткий стояк.

Алина вскрикнула и получила болючий дисциплинирующий шлепок:

— Лежи спокойно!

— Мне больно! — выдиралась она из хватки Олега.

— Целку ломать всегда больно, а потом сама просить будешь. Лежи спокойно, сказал! — рывкнул он, медленно, упруго, но верно захватывая все большую глубину.

Алина дернулась, но закусила губу.

Олег трахал ее долго, будто нарочно, заставлял кончать от ласки клитора и снова наслаждался попой на член, пока не кончил сам, содрогаясь и вжимаясь в нее глубже, как только мог. Когда наконец отпустил, Алина села, чувствуя, как потекла наружу сперма, подняла на сводного взгляд. Он наклонился к ее губам и прошептал в них, глядя в глаза сестре каким-то болезненным лихорадочным взглядом:

— Классная задница. Надеюсь, теперь проще будет подвернуть ее Виталику, да, родная? — он сдавил ее подбородок и щеки пальцами, в его взгляде словно раскололся лед, обжигая и прокалывая едва ли не насквозь.

В такие минуты, когда Олег смотрел вот так, Алина боялась его — уже знала, каким сводный братец может быть садистом. Его интерес к некоторым вещам порой доводил ее до паники от ужаса, а цинизм его сродни хладнокровному убийству — плевать кого.

— Урод... — прошептала Алина, но в голосе ее скользнули плаксивые нотки.

— Я тоже тебя люблю, сестричка, — Олег ухмыльнулся холодно и зловеще. — Не устаю благодарить мамочку за такой сладкий подарочек. — Он пошло лизнул губы Алины мокрым языком. — Но если ты не сделаешь, что я сказал — лишу тебя сладкого... — Олег просунул ладонь под обивку массажной кушетки и достал пакетик с дозой белого порошка. Алина хотела схватить его, но Олег зажал пакетик в кулаке. — Повторим еще пару заходов, пока не вернется твой папаша с моей мамашей.

— Только попробуй! — тихо и совсем неубедительно пискнула Алина.

Но Олег лишь удовлетворенно чуть кивнул своим мыслям, глядя с презрительной ухмылкой, как жадно сводная сестра вдыхает кокаин. Сейчас она сама запрыгнет на его член своей аппетитной задницей, ведь под дозой ощущения от секса просто улетные. Правда, очень недолгие — пару лет, а потом полный штиль. Но ему-то это не грозит, он ведь не идиот, чтобы подсаживаться на всякую дрянь.

Его кайф куда интереснее. Он играет совсем в другие игры...

Глава 4. Пришла пора играть по-взрослому

Сегодня Маринку в универе не встретил ни разу. На мое сообщение она не ответила, что ничуть не удивило. Удивило бы, вступи она в диалог. Я удовлетворенно хмыкнул и забыл о ней.

Вернее, думал, что забыл.

— Бро, чего ты по стенам взглядом шарить? — пихнул в бок друг Пашка после второй ленты. — Ищешь кого?

— Новости вчера смотрел?

В глазах друга разлилась боль, кулаки сжались. Я его понимал. Танюшка — его младшая сестренка — меньше года назад погибла вот так же. Отправилась на вечеринку в «Синий филин» и не вернулась. А утром пришли полицейские и сообщили, что ее нашли за остановкой в районе Киевского вокзала с оторванной головой. Я был у него в тот момент и до сих пор помнил тот кошмар, который происходил потом. Мать разбил инсульт, после которого она не выжила, и похороны Тани легли на плечи Пашки. Я сдал квартиру на полгода с оплатой вперед, чтобы были деньги на ритуальные услуги, а сам перебрался к нему. Наверное, никто не видел столько мужских слез, сколько видел я. Парень едва не сломался и из-за всего этого взял академ. Только после зимней сессии вернулся в универ, и то лишь потому, что сюда пришёл я.

— Пять раз. С одного канала на другой переключишь — снова обезглавленный труп, пикеты у следственного комитета и разведенные руки полицейских, — как-то остервенело ответил друг. — И не захочешь смотреть — не получится.

— Девчонка вчерашняя — не здешняя, — я крутанул головой, имея в виду МГУ. — А первая жертва тоже здесь училась... — «как и Таня» проглотил, хотя и без того при ее имени вставал ком в горле.

— И что ты по стенам ищешь?

— Да ничего не ищу, мысли в кучу собираю.

— Снова гонял?

— Гонял.

Сначала по городу на машине, как припадочный, потом, когда напряжение и злость на Маринку и себя не пропала, гонял в кулаке яйца, пока не кончил. Правда, не особо помогло — у меня и сейчас стоял от одного только воспоминания, как целовал ее вчера. Я снова прошарил взглядом вокруг, не поворачивая головы. Но даже тень девчонки не мелькнула ни разу.

Блядь. Сам же потребовал, чтобы не путалась под ногами. Так потребовал, что самому тошно. Дико захотелось закурить.

— Может, у меня задержишься? — спросил Пашка

— Нет. Такое чувство, что я в эпицентре. Держись от меня пока подальше, — хлопнул его по плечу. — И вообще — держись.

Хотел бы я ему передать часть своей выдержки, но ему с этим теперь жить.

Я вышел из здания универа, зашел за угол и достал пачку сигарет — тошно было от всего, а еще душило нехорошее предчувствие. Я смотрел в сторону Московского Делового Центра, руки в карманах, сигаретка приклеена к губе, пыхал, как паровоз, и перекатывался с носков на пятки — тело никак не желало оставаться в состоянии покоя. Хотелось забить на три следующие пары и рвануть к Маринкиному дому — может, заболела после мороженого? Почему не видел ее сегодня?

Придумал себе причину снова оказаться с ней рядом.

Вдруг прохладные ладошки накрыли мои глаза. Я успел увидеть наращённые ногти.

— Привет, Алин, — едва вымолвил, резко развернулся и заключил ее в объятия, схватив за талию.

Выгнулась — такая выдающаяся грудь не оставляла ей шансов прижаться ко мне всем телом. Верхову если и обнимать, то только сзади. Вот очевидный минус таких больших сисек.

— Вит, мы сегодня собираемся в «Синем филине», присоединишься?

— А то, — ответил равнодушно, а внутри екнуло.

В этот клуб, принадлежащий сынку криминального авторитета Дену из компании Алинки и ее сводного брата Олега, просто так не попадешь. А мне только что дали проходной билет. Вот оно — верное предчувствие.

Я смотрел на Верхову, заключенную в кольцо моих рук. Носик аккуратный, кожа ровная, без изъяна, словно искусственно созданная, подбородок слегка вздернутый, чуть великоватый рот, но именно он придавал ей изюминку, высокий открытый лоб — волосы королева собрала в высокий хвост, — красивая линия скул, подчеркивающая большие темные глаза девушки с южной кровью. Изломанная линия бровей сейчас еще больше заострилась — Алина вздернула ухоженные, словно по лекалу выщипанные, полоски и спросила с улыбкой:

— Нравлюсь?

— Очень! — ответил проникновенно и увлек красавицу в глубокий поцелуй.

Спустил ладони с ее талии на попу и прижал к себе, давая почувствовать стояк, к которому она снова не имела ни малейшего отношения. Я вообще не запоминал ощущений от близости Алины. А вот каждое прикосновение к Маринке отпечатывалось на моем теле клеймом. Стоило вспомнить эпизод встречи — кожа начинала гореть в том месте, где девчонка прикасалась ко мне, и все эти ощущения стекались сгустками в яйца. Я просто сдохну от спермотоксикоза, если не трахну первокурсницу! Алинка может отсасывать мне сколько угодно — это все фантомное, очень кратковременное и слабое облегчение. Просто откачка лишнего из яиц, чтобы они тут же наполнились новой порцией от воспоминаний о мелкой пигалице.

Я отпустил Алинку и снова уставился в ее лицо ищущим взглядом. Имеет ли она отношение ко всему этому кошмару? Не очень на нее похоже. Не такая уж она и стерва, напускное это у нее. Но Олег по-настоящему опасен, и они одна семья. Я никому не доверял в универе, кроме Пашки и... Маринки.

От внутреннего напряжения меня уже потряхивало. Единственное, пару дней как перестали сниться кошмары, где я стоял и смотрел в мертвое лицо Танюшки, поддерживая друга за плечи, а сам внутри сдыхал от боли и желания выть и дергать волосы от безысходности и бессилия что-то изменить. Теперь каждую минуту беспокойного короткого сна занимала первокурсница с глазами-омутами, опущенными длинными ресницами.

Алина хихикнула глупо под натиском моего пытливого взгляда и дотронулась до припухших и покрасневших губ кончиками пальцев:

— Люблю пожестче, — улыбнулась она лукаво.

Ах... да? Было мало?

Я провел костяшками пальцев по ее скуле, пальцами по виску, нежно взял в ладонь хвост у основания, пропустил через свой кулак и, резко вцепившись в собранные волосы, дернул Верхову к себе, останавливая ее лицо напротив моего всего в сантиметре:

— Тогда готовься кричать и умолять меня, чтобы вытащил из тебя член, крошка. Задолблю тебя так, что заплачешь и будешь просить, чтобы поскорее кончил.

Если кто меня слышал и понял, объясните мне, что я сейчас сказал... и как я это сделаю?

— Сегодня в клубе у тебя будет такая возможность, — ничуть не испугалась Алина. Я отпустил ее, она распустила и снова собрала растрепанный мною хвост — получилось идеально, у нее каждая волосинка вышколена. — Думаю, тебе понравится секс с белой феей[1].

— Я от нее чихаю, — ухмыльнулся, — но ты, крошка, и без волшебства замучаешься кричать, когда я возьмусь за тебя крепко, — снова сжал попку Алинки пальцами и нахально подмигнул.

Достал пачку и зажигалку, подкурил, и Алинка вытащила сигарету у меня изо рта. Зажала губами, затянулась так, что впали щеки, и выпустила дым пульсирующими колечками. Тонкий намек на... раз, два, три... четыре оргазма. Понял. Принял. Записал.

Забрал сигарету, затянулся и пронзил почти растворившиеся в воздухе колечки толстой струей дыма, тоже пульсирующей. Ухмыльнулся, выбросил сигарету, обнял Алинку за плечи и повел в универ.

Большая перемена закончилась, пришла пора играть по-взрослому.

Оказывается, не нужно прилагать никаких усилий, чтобы сталкиваться с Виталей в универе на каждом углу и в каждом коридоре. А вот избегать встреч с ним — тот еще квест. Я чуть не выскочила ему навстречу на втором этаже — занятия наших групп три раза в неделю проходили в аудиториях, двери которых расположены рядом. Раньше меня это радовало, потому что можно было спокойно наблюдать за объектом своей тайной страсти, но сейчас это стало неудобством. Особенно теперь бесило, что препод не закрывал дверь во время занятий, а я сидела внизу у кафедры, и меня было отлично видно, стоило только бросить взгляд внутрь кабинета. Теперь придется поискать место подальше. Но за год все привыкли рассаживаться по негласно сложившимся правилам, нарушить их значило бы вызвать любопытство. Очень не хотелось вопросов. Можно было бы пересест поближе к Антону, но мы еще не договорились о свидании, потому что он почему-то в универ не пришел.

Антон мне не слишком нравился как человек — любитель пустить пыль в глаза и жить не по средствам, всегда старался попасть в компанию тех, кто поуспешнее и побогаче, быть им полезным и заслужить дружбу. Только что сумки в зубах не носил и хвостом не вилял. Я видела его пару раз в компании мажоров — неприятное было зрелище: на него смотрели снисходительно, как на пыль под ногами, а он будто не видел этого.

Вспомнила об этом и расхотела идти с ним в кино. Его неискренность настораживала. Виталька — гад, конечно, но я не ощущала от него опасности, он искренен в поступках и словах. Одно его «хочу тебя трахнуть» чего стоит. Вряд ли бы Антон признался в этом, скорее опоил бы и воспользовался беспомощным состоянием.

Мда, я совсем умом тронулась, раз решила сменить вектор приложения своей надуманной влюбленности. Как хорошо, что Тошка не пришел в универ и я не успела натворить дел.

Гром совсем другой. Дело даже не в том, что я знала его семью, просто он сам по себе человек правильный, с принципами, настоящий, я бы сказала. Не понимала — что он нашел в этой фальшивой Верховой?

Прошмыгнула скоренько по коридору и чуть на входе не врезалась в них — они шли в обнимку. Он меня не увидел — как раз выискивал кого-то взглядом и разговаривал по телефону. Я выскочила за дверь, как хлыстом подстегнутая.

После перекуса в «Шоколаднице» уже не хотелось возвращаться на занятия, и я бы сбежала с них сегодня, но после следующей ленты мне нужно было подойти к секретарю ректора, чтобы она ввела меня в курс дела. Так что пришлось после обеда вернуться в корпус.

— ...Марина, от тебя требуется ведение делопроизводства на кафедре: помощь в составлении отчетности и других документов, работа с расписанием и информирование преподавателей о его изменениях, ну и техническая помощь в подготовке и проведении занятий, — инструктировала меня секретарь. — Работа ответственная, зарплата для студентки хорошая.

Зарплата действительно неплохая — целых тридцать тысяч! Хотя в сауне у меня выходило больше, но тут оказалось, что я, по сути, одной ногой войду в преподавательский состав, окунусь во внутреннюю кухню. Правда, о поиске еще одной работы можно забыть — все эти дела мне нужно было делать после лент, четкого таймлайна не было, но и с занятий пообещали снимать нечасто.

Мне завели трудовую, выдали договор, показали рабочее место и дали распечатки со списком профессоров кафедры, планы занятий на месяц, список необходимых приобретений...

— А деньги на это? — растерялась я.

Не из своего же кармана я должна обеспечивать преподавателей папками, скоросшивателями и запчастями для каких-то аппаратов?

— Я все заказала, ты просто заберешь и раздашь, — улыбнулась секретарь ректора Оксана, обаятельная блондинка. Да не бойся ты! — засмеялась она, видя, как все больше вытягивалось у меня лицо, пока я смотрела список заданий от профессоров. — Это кажется, что много и сложно. На самом деле нет, я же совмещала. — Она подвинула ко мне открытую плитку швейцарского шоколада. — Угощайся. Между прочим, я вчера ее заработала, когда один весьма симпатичный студент выяснял, на каком курсе ты учишься.

— А... да? — Я не нашлась с ответом. — А кто?

Я знала, но так хотелось услышать, что он правда искал меня... чтобы потребовать: «Ты ничего не хочешь мне сказать?» и раздолбать пластиковую стеновую панель, да-да.

— А ты разве не вышла к нему? — лукаво улыбнулась Оксана. — А хочешь горячего чаю? А пока пьем — разгребем с тобой половину работы, — предложила она.

Разве я могла отказаться?

Мы просидели три часа. Секретарь словно имела внутренний таймер и умела читать мысли. Я просто диву давалась, когда она ухоженным ногтем показывала мне на что-то и тут же ни с того ни с сего вставала, готовила кофе и относила его ректору, хотя он не просил, или напоминала ему о встрече, или кому-то, едва вошедшему в приемную, протягивала готовые документы, или отвечала на ещё не заданный вопрос. Оксана — живой пульс университета, развязка, направляющая потоки, центральный механизм. Настоящий делопроизводитель, а не какая-то секретарша. Я даже как-то иначе взглянула на эту профессию.

Домой я уносила ноги после восьми вечера, сжимая в кармане флешку со сводными таблицами за прошлые периоды, списками, расписаниями, датами и видами отчетности... Так много нужно было привести в порядок, сделать сверки... Я уже не чувствовала себя беспомощной и даже по дороге, пока ехала в свой Реутов, выстроила для себя примерную схему работы, чтобы все успевать.

Я шла через парк с улыбкой, когда от скамейки отделилась тень и заступила мне дорогу. Сердце екнуло и упало.

— Ты бесстрашная, безмозглая, бессмертная или такая крутая, что голой жопой ежеиков давишь? — я узнала голос Витали еще до того, как смогла увидеть его лицо.

Он был зол. От него головокружительно пахло парфюмом и сигаретным дымом. Никогда не любила этот запах, а ему он шел, ненавязчиво дополнял древесный аромат одеколона, манил и вел к нему — как дым костра в дождливом лесу, на запах которого влечет, потому что рядом с ним тепло, надежно, уютно... хотелось прижаться и подставить губы поцелуям...

— Отвали! — Я пихнула парня в грудь ладонью со всей дури, но он словно ждал удара и лишь чуть качнулся и перехватил мое запястье. Рванул за собой, шагнув на газон в сторону густой заросли, в такое время темневшей невразумительным пятном. — Да отпусти ты меня, придурок! — заорала я, пытаюсь лупить его сумкой.

Но Витали затащил меня за кусты и процедил:

— Знакомься, Марина, это Батон, — он пнул кого-то.

И я, затихнув, опустила изумленный взгляд на землю.

У корней волчьего ягодника сидели те три парня, с которыми я уже имела несчастье столкнуться... когда описалась. Вспомнила об этом и покраснела до самых кончиков пальцев ног — бесила эта реакция моего организма, хорошо, что в темноте никто не видел, как я горела.

Трое подонков сидели с заведенными за спину руками и связанными скотчем ногами. Виталия пнул в ступню следующего:

— Это Крош, а это, — кивнул на последнего, — Дятел. Все трое живут в этом микрорайоне и так соскучились, что караулили тебя. Запоминай, а лучше записывай: Батон работает пекарем в булочной, — он кивнул куда-то в сторону от моего дома, и я вспомнила, что там и правда есть пекарня со своим магазинчиком. Бабушка часто в ней покупает булочки и питы для домашних донеров. — Крош — хакер, причем на зоне ему уже ставят прогулы, — продолжал знакомство мой снова спаситель. — Ну а Дятел у нас «муж на час», мастер на все руки, да такой крутой, что собственноручно собирает разные незаконные штуки. Его люксовый номер в Бутырке по соседству с Крошем ждет. Да, ребят? — процедил зло. — Нормальные, Марин, между прочим, парни, только они очень хотят тебя трахнуть. Так хотят, что поспорили, кто первый. Как тебе это? Может, сама выберешь, кто начнет? А?

Сарказм и ярость так и кипели в его голосе. А я дар речи потеряла. На меня поспорили?.. Я вырвала руку из хватки Витали и бросилась бежать домой, чувствуя, что паника уже забирается под вздыбленную мурашками кожу. Но заскочить в подъезд не успела — пока возилась в сумке в поисках ключей трясущимися руками, Виталия меня нагнал и набрал код на домофоне, распахнул для меня дверь и вошел следом. Вот я дура! В ужасе совсем забыла про код. Я точно... как он там сказал? безмозглая.

До квартиры всего один лестничный пролет и небольшой общий на две квартиры коридорчик... в котором Виталия прижал меня к стене.

— Скажи, в какую неприятность ты должна вляпаться, чтобы начать, наконец, возвращаться домой засветло?!

— С чего ты взял, что они хотят пустить меня по кругу? — прошипела я, чувствуя его крепкое сильное тело.

Не хотелось спорить и бороться, но он меня бесил.

— Ну ты же в прошлый раз слышала это собственными ушами, — спокойно ответил Виталия, разглядывая мое лицо, то и дело сползая взглядом на губы. — Только я трахну тебя первый, поняла, Маринка? — выдал он и, только я хотела ответить, всадил язык в мой рот, вовлекая меня в жгучий сумасшедший поцелуй.

Я чуть не задохнулась, дезориентированная, а Виталия терзал мои губы зло и так страстно, что я испугалась, что приведет свою угрозу в исполнение прямо здесь и сейчас. Забилась в его руках, пнула между ног, правда, не получилось — так, подняла ее и застряла между сильных бедер, зажавших мою коленку в тиски. И почувствовала горячий бугор в штанах, когда Виталия сделал пару пошлых движений, скользнув по ней пахом.

Не знала, что могу покраснеть еще больше...

Дернула ногу, толкнула его со всей силы. В этот раз он не устоял, отлетел к противоположной стене через метровый коридорчик, зацепившись за мою сумку, чтобы удержаться. Она открылась, и из нее вылетели кое-как запихнутые распечатки. Устелили каменный пол белоснежными листами, даже светлее стало сразу. Или мне так показалось после жарких объятий и напора крупногабаритного нахала.

— Что это?

Виталия присел на корточки, моментально забыв, что делал минуту назад, взял несколько списков и пробежался по заголовкам и фамилиям взглядом. Достал телефон и сделал несколько снимков.

— Что ты делаешь?! — зашипела я, собирая с пола остальное. — Дай сюда! — схватилась за бумаги в его руках. Виталия выпустил их и вырвал у меня из рук другие собранные листы, быстро перебрал их, сделал еще пару фото и вернул под мой возмущенный взгляд. — Что все это значит?! — шипела я, чтобы не шуметь в подъезде.

— Зачем тебе эти списки? — строго спросил он, поднимаясь и потянув меня за локоть.

— Это моя новая работа на кафедре! Ты доволен?! — Я вспомнила нашу прошлую встречу. — А вот зачем тебе эти списки?

— Нужны, Маринка! Ты просто находка для шпиона! — улыбнулся он и снова залип на моих губах взглядом.

— Все, все, уходи, уходи, уходи!..

Я выставила руку между нами, чтобы не накинута снова. Это его «я первый тебя трахну» звучало бы музыкой, не будь сказано так грубо. Да, я мечтала, чтобы моим первым был он. Но не так же! Где, блин, жар души, чтоб сжег все мои сомнения? Где романтика? Где сумасшедший поступок во имя меня, чтоб сразил наповал?

— ...И не приближайся ко мне больше!

Виталия не препятствовал, когда я вошла в квартиру, только смотрел так, что мурашки по коже маршировали ладным полком туда-сюда, а воображение будоражило так, что я сама себя боялась в этот момент. Захлопнула дверь и прижалась к ней, тихо выдохнув, прислушиваясь к звукам в подъезде. Было тихо, а потом раздался громкий шепот в замочную скважину у самого уха:

— Обещаю: я буду твоим первым, Маринка. Скоро...

Я вздрогнула и зажмурилась от того, как сладко собрался махровый ком внизу живота. Не смогла сдержать счастливую улыбку. Ведь вот так это обещание звучало совсем по-другому.

— Ну что, парни, поговорим? — спросил я, вернувшись к своим пленным.

— А не пошел бы ты?! — сплюнул на землю один.

Я развернулся и пошел.

— Урод! Руки расклей!

Я показал через плечо средний палец, не сбавляя шаг.

— Стой! О чем поговорить?! — крикнул другой.

Совсем другое дело. Я обернулся и улыбнулся. Вернее, оскалился. Улыбаться этим типикам вообще не хотелось. Та еще мразота. Присел на корточки перед ними, достал нож. Парни опасливо на него посматривали, переводя взгляд с него на мое лицо.

— Ваш спор выиграл я, — сообщил им.

Подонки вылупились на меня, все трое.

— Че, прям шас? — нагло и недоверчиво поддел Батон.

— Ты потому и Батон, что мозги у тебя, как хлебный мякиш. — Я натянул ему бейсболку на глаза, рыкнув для полноты его ощущений.

Его приятели хохотнули, тот, что сидел рядом — Крош, — пихнул локтем в бок:

— Ну ты точно идиот, Боря, — сообщил он совсем недружественно. — Это значит, что про спор забыли, понял? Девчонка — его.

Что этих двух с булочником связывает? Надо выяснить, потому что прижать Батона как бы нечем. Единственное, что мне о нем известно — конченный экстремал: альпинизм, паркур и фриранинг[2], вингсьют[3], слэклайнинг[4]... Одних прыжков с парашютом — самое его безобидное развлечение — более сотни. Впечатляющий чел, жаль, что мразь, могли бы дружить. Не преступал, не состоял, не замечен. Кроме вот прошлого раза, когда с ножом Маринку напугал — замашки ублюдка, но я когда собрал его профайл, то понял, что он брал на понт и не смог бы порезать девчонку. Но это не докажешь, а мне и некому доказывать. Я этих трех придурков на себе завязывал. Как говорится, не можешь победить — возглавь.

— Теперь понял, — буркнул хлебобулочник. — И чего тебе надо? — он устался не мигая, сбив бейсболку назад о плечо соседа по плену.

— Когда мне надо будет — сам приду. — Я вытащил из своего кармана три сотовых, которые отобрал, когда спеленал их владельцев тремя ударами в яблочко. — За девчонку головы

оторву, нижние — в первую очередь. Я понятно объясняю? — загрубил голос для убедительности.

— Ага, разбежались, — артачился Батон, чувствуя, что конкретно против него мне крыть нечем.

Но я ж не просто так заработал славу человека, умеющего создавать ситуации. Могу поднапрячься и подломить говнюка, но лучше раскопать, почему с ним носится Крош.

А Крош мне может пригодиться. Вернее, уже.

— Твой который? — спросил я его, перебирая сотовые.

— Самсунг, — ответил он. — А откуда ты про меня знаешь?

— Да, кто ты такой? — наконец, лениво подал голос Дятел — самый флегматичный из них.

Я включил bluetooth на сотовом хакера, нашел нужный файл на своем, редактором подчеркнул некоторые фамилии, перекинул ему фото и лениво выдал досье:

— Крошев Игорь Матвеевич, двадцать три года, служил в инженерных частях, с закрытыми глазами собираешь компьютеры и взламываешь защиту любой сложности. Пишешь хакерские приложения как дышишь. Полгода в розыске за взлом системы безопасности Центробанка. Хорошо заметаешь электронные следы, но я тебя нашел. И мне нужна вся информация по людям, которых я отметил. Даже какого цвета у них моча по утрам. Скрыться от меня не удастся. — Я кинул телефон ему на колени и нагнул за плечи, чтобы дотянуться и разрезать скотч, стягивающий его руки. Потом продолжил: — Дятлов Дмитрий Савельевич, он же Сташевский Филипп Михайлович, родился в Северодвинске, двадцать три года, сослуживец Игоря, из камня и куска проволоки способен одинаково легко создать передатчик и вечный двигатель. В прошлом приторговывал в клубе экстази. Добрался до Москвы автостопом, по настоящей фамилии числишься без вести пропавшим.

Парни смотрели настороженно, сканировали меня взглядом. Я знал, что Крош сломает все базы, но нароем и обо мне все, и сообщит мне цвет моей мочи — ему для этого хватит цифрового отпечатка моего смартфона и следа после подключения bluetooth.

Я поднялся и пошел к машине, припаркованной у дома Маринки, предоставив Крошу самому освобождать своих приятелей.

[1] Имеется в виду запрещенное вещество.

[2] Фриранинг — практически тот же паркур, но немного более селективный и упорядоченный.

[3] Вингсьют — свободное падение со скал и других фиксированных объектов, во время которого спортсмены лавируют между острых пиков или зданий в специальном костюме, придающем человеческому телу форму крыла. На текущий момент рассматривается как крайне экстремальный спорт.

[4] Слэклайнинг — ходьба и выполнение трюков без страховки на натянутом между объектами канате, тросе, веревке на впечатляющей высоте над водой или землей. Часто стропу натягивают между скалами или двумя крышами высотных зданий.

Глава 5. Не по Сеньке шапка

В «Синий филин» я подкатил на такси уже за полночь. Королева встретила с оскорбленным видом, сверкала зло зенками и надувала губы. Я достал из своего арсенала самый винновато-преданный вид, нацепил его на себя и побитым щенком заскулил ей в ухо, прижимая к себе крепко:

— Уточка моя, летел к тебе подбитым селезнем. Прости, хромал на одно крыло... Вот дохромал, сирый и убогий, — и сложил брови домиком с умоляющим видом.

Не ту профессию выбрал, надо было в Театр сатиры сразу после армии чапать.

Она вскинула на меня недоуменный взор и после паузы рассмеялась:

— Уточка?! — Я кивнул, пожимая плечами и строя забавную рожицу. Алинка расхохоталась весело и непринужденно. — Какой ты милый, Вит! — и она прижалась губами к моим, вовлекая в поцелуй.

Я ж обещал оттрахать ее так, чтоб умоляла отпустить. Пришлось держать марку — всосал губы так, что, наверное, ее глаза сползли на щеки. Стало дико смешно от этой мысли, но я зажмурился и чуть не задрал ножку, как девушка, выражая степень своего блаженства. Трахнул ее рот языком, чувствуя вкус какого-то коктейля и женских ароматизированных сигарет — ненавидел ментол и эвкалипт, у меня на него психологическая аллергия еще с колледжа, когда пережрал «Mentos» и «Halls» после несанкционированных ночных загулов, а от королевы просто разило этим мятным айсом.

Захотелось отплеваться, но я просто отпустил губы Верховой, покрасневшие и заметно припухшие.

— Здорово, Виталя! — хлопнул по плечу Олег. — Добро пожаловать в клуб! — фальшивое радушие, призванное спрятать его холод и раздражение от необходимости во мне, плохо справлялось со своей задачей. — Пойдем, покажу, что здесь к чему.

Ничем особенным клуб от других не отличался — подвижная площадка для диджея, стробоскопы, дискотечные шары, пара вип-ярусов... Только что тумбы для танцовщиц go-go стилизованы под ушастых филинов: крылья — ажурные лестницы, голова — клетка, и подвижный воротник из перьев — горящих живым синим пламенем. Как раз сейчас в окружении огня танцевала девушка. Выглядело опасно: прижми перья к голове стальной птицы — девчонка сгорит заживо. От этой мысли передёрнуло.

Олег повел меня в коридор, скрытый за тяжелыми портьерами с двумя охранниками по бокам. Таких качков еще поискать. Скользнул по их телам взглядом: тупые псы без разума во взгляде, тренированные выполнять команды. В коридоре было намного тише — шторы явно со звукоизолирующими вставками.

Мы прошли в самый конец, потом по лестнице на второй этаж. Здесь стояла мягкая тишина, такая, какая бывает, когда стены задрапированы тканью, а полы застелены коврами — как здесь. Приглушенный свет добавлял тепла, большие экзотические растения оживляли комфортное для самоощущения пространство, а тщательно подобранные естественные теплые природные оттенки расслабляли. Я зевнул, бросил взгляд на композицию кожаных кресел и деревянного столика-куба в квадратном тупичке с окном. Сюда меня и привел Олег.

— Присаживайся, — предложил он, откидывая крышку столика, как оказалось, с винным холодильником внутри и держателями для бокалов. — Виски, коньяк, вино, текила?

— Вино. — Я заметил бутылку итальянского белого полусухого — такую же пили в сауне, и напиток мне понравился. Очень легкий, с ненавязчивым послевкусием.

— Что у вас с Алинкой? — неожиданно спросил Олег. — Ты ей нравишься.

— Ты о нас хотел поговорить? На правах брата? — усмехнулся я.

— Да плевать на... что там у вас, — оскалился он, поворачиваясь ко мне на пятках. Его глаза горели яростным безумием, черты лица заострились. — Меня ее... — он сжал губы на секунду и выхаркнул со слюнями: — папаша достал!

И бутылка коньяка, из которой он явно собирался плеснуть себе в бокал, лихо отправилась в межконтинентальный полет, но врезалась в стену и со звонким хлопком разбилась. Видно, Верхов достал пасынка прямо пропорционально стоимости белого коньяка и приложенной силе, чтоб отправить его раскрасить стену мокрым вонючим пятном...

Это я сейчас о коньяке или Верхове-старшем?

— Избавь меня от этих подробностей, — лениво ответил я мажору. — Если ты решил меня кинуть — расходимся, — смотреть сверху вниз, сидя напротив стоявшего полудурка, оказалось затруднительно, но я старался. — У меня все готово. Жду бабки.

— Давай договоримся: тридцать процентов — сейчас, и остальные, когда сделаешь дело...

Я поставил бокал, встал и пошел к лестнице.

— ...Сорок! — услышал вдогонку. А через еще три уверенных шага: — Пятьдесят!..

Я остановился, пару секунд постоял и пошел дальше.

— ...достану деньги! — крикнул он мне в спину.

— Семьдесят процентов, — ответил я ему. — На конкурсе «Мисс Университет».

— Жесткий ты тип, — неприязненно процедил Олег и хлебнул вина прямо из горлышка бутылки.

— Это ж не я заказал папочку своей сестренки, — ухмыльнулся я.

— Ты забываешься, Гром, — оскалился мажор, повышая голос. — В моей власти превратить твою жизнь в ад!

— А денег хватит? — хмыкнул я, подцепив за живое. За то, что убереу медиамагната, я запросил нехилую сумму. Оказалось, не по Сеньке шапка — мажор не тянул. У него и было как раз тридцать процентов, а я загонял его в угол. — Если на конкурсе не будет налички, я продам Верхову его досье. И твое тоже. — И я зловеще улыбнулся ровной линией губ.

Алинка опять нафеежилась. После разговора с Олегом я заглянул в бар за парой коктейлей и уже приготовился и дальше изображать провинившегося щенка, высунув язык, таскаться за королевой и выполнять команду «к ногам», но она укокошилась в говнище.

Я не сразу это понял. Она сидела на диване в VIP-зоне и, казалось, дремала, раскинув руки ладошками вверх и запрокинув голову, или наслаждалась музыкой и коктейлем — ее бокал был пуст. Я почувствовал, что она дрожит, но сначала принял это за вибрацию — музыка лупила так, что стены трясло, не то что организмы. Но когда обнял, чтобы подлизаться к королеве виноватым ежиком, даже через плотную ткань ее платья почувствовал, как она горит. Взял за руку и не успел нащупать пульс, как тонкие пальцы с длинным маникюром свело спазмом.

— Твою мать!

— Че?! — поднял на меня глаза Олег — пока я ставил диагнозы, этот накушался коньячком. — Да забей, — он понял, что я обеспокоен состоянием Алинки, но отмахнулся от сестры, — поймала трип.

У королевы совсем не по-королевски задрожали губешки, а по коже прокатился судорожный озноб. Я вскочил и подхватил ее на руки — тяжеловата, но взваливать на плечо нельзя — голова должна быть выше задницы. Иначе пиздец девке.

Хотя ей, похоже, и так...

Пока несли к выходу из клуба, расшибая человеческий трафик телом почти закатившейся звезды, туфли с нее слетели, узкое платье сползло выше, наверняка явив окружающим задницу в капроновых колготках. Но думать об этом было просто некогда. Фото ее зада в соцсетях

— последнее, о чем стоило сейчас думать. Эти фото могут легко и стремительно смениться посмертными.

Из клуба выскочил как в жопу ужаленный, бросился к своей машине, матерясь, что не многорукий Шива. Верхову пришлось усадить на капот и прислонить к лобовому стеклу, чтобы достать ключи и открыть дверцу. Устроил ее на переднем сиденье, пристегнул и в три прыжка обежал машину, рухнул за руль и дал газу, даже не прогрев движок — в чудеса не верил, был уверен, что довезу труп.

Выхватил из кармана сотовый, и он заорал у меня в руках — звонил сводный братец Алинки.

— Пошел на хер! — рывкнул я в трубу и тут же нашел нужный контакт.

Ночь, пришлось звонить два раза до упора, пока на другом конце раздался не слишком довольный голос:

— Виталий, вы видели, который час?

— Вадим Юрич! Передоз кокаином! Лечу к вам!

— А я-то чем помогу?! — раздался уже вообще не сонный вопрос. — У меня психдиспансер, а не наркология!

— Вы ближе! Не довезу даже до вас, чую! Делайте что-нибудь!

— Вызову скорую.

— Нет! И полицию нельзя! Думайте, думайте, Вадим Юрич! Я уже вижу клинику! Каталку давайте!

Бросил телефон на панель и протянул руку нащупать пульс на шее Алинки...

Жива еще.

Чуть не снес ворота, но, видимо, главврач охранника успел предупредить, потому что они уже почти совсем открылись, и я сам не понял, как пронырнул в не до конца еще раззявленную пасть кованых створок.

У главного входа торчали санитары с носилками.

Мне бы даже Димка-таксист позавидовал — такой я выписал дрифт, боком паркуясь у главного входа аккуратно в сантиметрах от медиков. Дверь со стороны Алинки открыл изнутри и отстегнул ее ремень, когда ее уже тащили наружу. Успел увидеть, как её в предплечье всадили какой-то укол и бегом унесли. Бросил машину и рванул за ней, но санитар величиной со шкаф выписал мне стоп ладонью размером во всю мою грудную клетку.

— Нельзя. Ждите тут — так Юрич сказал, — прогудел парходом и выпихнул меня на улицу.

Я матюгнулся и вернулся в машину. Сел за руль, захлопнул пассажирскую дверцу и только тогда понял, как меня колбасит. Я успел. Но теперь все зависело от Вадима Юрьевича.

От звонка сотового чуть не подпрыгнул, как на пружине. Снова Олег:

— Ты, борзый! — заорал он с ходу, и я отодвинул трубку от уха. — Где Алинка?! Я за нее перед Верховым яйцами отвечаю!

— Тогда считай, что ты уже кастрат, — ответил я спокойно, хотя внутри просто горело вернуться сейчас и въехать ему от души. Отвечало, блядь...

Прикурил, нервно поглядывая сквозь стеклянные двери в диспансер. В конце длинного и широкого холла было видно открытую дверь в какое-то помещение, залитое ярким светом. Туда и унесли Алинку.

— Чё ты сказал?.. — пытался наехать мажор.

Я скинул его вызов и выудил из списка контактов другой номер. Мне ответили после второго гудка:

— Слушаю... — настороженный голос.

— Верхов Роман Ильич?

— Вы кто, молодой человек?

— Алина сейчас находится в частном психдиспансере...

— Это какая-то шутка?! — зарычал мужик. — Я тебе шею сверну, щенок!..

Но я игнорировал и продолжал, поставив на громкую связь и уже отправляя ему координаты для навигатора. Услышал, как пиликнул его телефон — сообщение принято.

— ...Вы можете не успеть увидеть дочь живой. Передозировка кокаином. Полиц...

— Никакой полиции! — медведем взревел медиамагнат. — Еду!

Я снова бросил сотовый на приборную панель и откинул голову на подголовник.

Минуты тянулись, я терял терпение. Вышел, помаялся у стеклянного входа в клинику, вглядываясь в то, что происходило внутри. Но видел лишь прямоугольник желтого света, вытянувшийся от двери и постепенно растворявшийся в темноте, как мост из этого мира в другой. Поежился от таких мыслей и решил, что надо отвлечься. Ведь если Вадим Юрьевич еще не вышел, значит, жива Алинка, откачивают. Иначе здесь уже была бы и полиция, и скорая — засвидетельствовать смерть, — а он сам разводил бы руками и говорил, что везти надо было не к нему.

Где-нибудь в Штатах Верхова бы застрелили еще на подступах за то, как он ломился на частную территорию, хоть и клиники. А у нас он просто гавкнул на охранника, посветил известным всей стране таблом с мощной озвучкой «Урою, гнида! В асфальт закатаю!» — и всё, уже размазывает меня по стеклянной двери главного входа, словно фотообои валиком. Радовало, что хоть яйца целые остались, отрежут их пасынку — я в этом уже вообще не сомневался.

— Ты ее накормил?! — ревел медиамагнат, поднимая такой кипиш, что даже мёртвые встали бы.

— Сама наелась, — прохрипел я, выпуская последний воздух из легких, потому что вдохнуть этот сыч мне не давал — как обручем стянул горло пальцами. Точно браток из девяностых, вообще не изящно дела решает. Нет бы его охрана тут беспредел чинила, так он сам руки замарать был не прочь. Чувствовалось, что отрывался на мне на всю катушку. — В «Синем... фи-лине»... — почти беззвучно просипел...

...и Верхов меня отпустил.

— «Синем филине»? — переспросил и тут же пнул стекло ногой.

Только оно бронированное, ибо психи тут разные встречаются.

Но все же его рьяные попытки «достать и уничтожить» принесли успех — санитар, что задвинул меня за дверь лапищей, как у Годзиллы, пришел утихомирить буйного родителя. Я отошел подальше, чтобы не попасть под руку ни тому, ни этому. На фоне шкафа в зелененьком хлопковом костюме даже медиамагнат как-то сник. У медбрата он фейс-контроль не прошел, и корочки какие-то там не помогли. Его пообещали переодеть в смирительную рубашку и поселить в палату к такому же буйному. Я от греха забился в свою машину. Ибо этот в костюмчике сейчас уйдет за бронированные двери, а я тут с бешеным родителем один останусь. Больно оно мне надо?

Только спрятаться не удалось. Этот груздь ввалился на переднее сиденье и как-то смиренно спросил:

— Закурить есть? — и тут же сам взял с панели пачку. Прикурил, закашлялся. — Лет двадцать назад бросил.

— А сейчас зачем начали? — вышло хрипло — горло будто смялось, говорить было не то чтобы больно, а как-то физически неприятно, будто звуки железной щеткой по гортани скребли, как по сковородке.

— Тупой вопрос, — ответил он, сверкнув глазами, и снова затянулся. — Ты кто вообще?

Ответить я не успел — вышел Вадим Юрьевич. Мы с родителем феечки одновременно рванули из машины. Главврач даже на шаг отступил, будто его нашим напором откинуло.

— Жива, жива, жива! — выставил ладони вперед, предвосхищая все вопросы, Юрьич. — Но нужна срочная госпитализация, я ничем больше помочь не могу. Уже вызвал реанимобиль... а вот и он! — выглянул из-за наших сведенных вместе плеч врач, вытягивая шею и поправляя очки. — Девушку доставят в хорошую клинику к моему другу...

Алинку в этот момент вывезли на каталке, и Верхов все-таки чуть не раскидал санитаров, но к дочери прорвался. Правда, душещипательную встречу мне не удалось посмотреть — Вадим Юрьевич взял меня под локоть и отвел в сторонку:

— ...И удружил ты мне, Виталий Семеныч, — покачал он головой в колпаке.

— Ну простите, — развел я руками. — Честно, я просто растерялся. На ум ни одна больница больше не пришла.

— Если бы не ты, у нее и шансов бы не было. Повезло ей, что лежал у меня один кокаинщик из... — главврач указательным пальцем ткнул в небо, — после его выписки пара ампул E021 осталась, а то бы... всё, — теперь док развел руками.

Алинку уже погрузили и подключили к капельнице, она была в сознании, но белая, как простыня, которой ее укрыли по грудь. Верхов пытал врачей из реанимации, а когда дверцы захлопнулись, подошел к Юрьичу:

— Спасибо, — пожал руку с чувством, хлопнул по предплечью выразительно и рванул к своей машине.

Через минуту мы уже слышали заунывный вой скорой.

— Это же Верхов? — врач снял очки и протер их колпаком, подслеповато щурясь на меня.

— Ага, — вздохнул я тяжело.

— Ох, молодой человек, — покачал он горестно головой, водружая очки на нос, — ваша семья меня доведет, что я в собственную клинику пациентом попаду...

Я вернулся домой и рухнул на кровать как подкошенный, даже не раздеваясь. Закрыв глаза и вырубился сразу. По-моему, еще в полете. Правда, после первой фазы сна проснулся и разделся — стало жарко и неудобно. Умылся, выхлебал пол-литровую кружку ледяной воды и снова лег. На этот раз закутался в одеяло, обнял вторую подушку, ткнулся в нее носом, погладил по наволочке и проворчал с угрозой:

— Спи, Маринка, а то трахну — мало не покажется... уж очень хочется...

Мысль о том, что я придурок и угрожаю подушке, которую назвал именем пигалицы, не додумал — снова провалился в сон.

А утро придавило тяжестью понимания, что всё усложнилось. Хотелось броситься под кофемашину и выключить эту чертову пятницу. В универ пойти даже мысли не возникло — чувствовал себя так, будто сам скокосился. Сидел за кухонным столом и втыкал взгляд в сотовый — мажор больше не звонил. Интересно, ему уже Верхов яйца оторвал?

Я поджарил яичницу с ветчиной, прямо из тетрапака выхлебал почти литр молока, вымакал жир в сковородке батоном и упал на диван посмотреть телек. Зевал так, что думал — челюсть вывихну. Обошлось. Опять уснул под звуки полицейского сериала и снова проснулся уже далеко после обеда. День прошел зря. Но у меня еще оставался вечер.

Окончательно я проснулся, стоя под душем. Пока намыливался гелем, строил планы. Когда смывал пену — они таяли как пока неосуществимые. Когда вышел из ванной — уже не знал, зачем вообще проснулся. Разве что навеститься к Алинке... Не очень-то и хотелось, тем более я знал, что с ней все норм настолько, насколько может быть. И клиника наверняка лучшая, и папаня расстарается для дочурки. А мне все эти расшаркивания с цветами и апельсинами у больничной койки в тягость. И вообще, это банальная пошлость.

Но все-таки статус спасителя обязывал. Пока варил пельмени и заваривал крепкий чай, придумал, как превратить визит в больницу в нечто неортодоксальное.

Но сначала... Маринка.

Эта пигалица как кость в горле — она мне мешала, но я не мог ее вытащить, и потому думал о ней всеми возможными способами: во сне, наяву, членом... Этот вообще подсказывал, как надвунной человек, стоило мелькнуть мысли о ней или образу красивой попки в простых бордовых трусиках. Меня ломало, как, наверное, сейчас Алинку, от дикой потребности снять их, отшлепать эту классную задницу, упиваясь звуками сочных ударов по ее нежной коже...

Блядь!

Взвыл от того, что шлепать по этой заднице хотелось не только ладонью, и но бедрами, вколачиваясь членом в Маринкину плоть по самые яйца. Меня просто выкручивало от силы этой чертовой хотелки! Я бы кончил, едва всунув в нее член, а потом бы растянул удовольствие на час. Или на всю ночь. Может, на недельку... Наверное, этого бы хватило, чтобы наестся девчонкой и сбросить эту неумную тягу к ней.

Опрокинул в желудок пельмени и чай и даже не заметил этого, потому что шарил в сети в поисках службы доставки цветов. Нашел одну интересную — на их сайте можно было выбрать и тематический подарок. Я заказал кое-чего: одно доставят ко мне домой, нечто получит фея, и еще вручат небольшой презент Маринке.

Полное погружение в работу случилось сразу после пары лекций. Оксана позвонила мне и попросила сразу же зайти к ней.

— Держи ноутбук, — она выставила на стол новенькую машинку в сумке-переноске, — там уже стоят все нужные программы, тебе нужно войти во все сервисы — ссылки и пароли на рабочем столе. Дальше...

На стол легла оптическая мышь, планинг, нелинованный ежедневник, несколько подписанных именами преподавателей флешек, собранных в связку, как ключи. Ключей с бирками было два, и они ввели меня в ступор.

— А это... — я боялась озвучить догадку, замерла, вопросительно глядя на Оксану, держа две отмычки на вытянутой ладони.

— А это тебе выделили комнату в общежитии, чтобы не моталась домой, когда придется задерживаться. Сейчас это будет часто, сама понимаешь: сессия, пересдачи, дипломы, потом набор абитуриентов — начнется самая жара! Ну и второй от кабинета. Правда, крошечного — раньше там была преподавательская подсобка при аудитории препода по физике, потом там собиралась тайная вечеря... — Оксана замолчала, отвлекшись от складывания в новую корзину для бумаг канцелярии, потом весело мне улыбнулась и объяснила: — Был у нас в прошлом потоке такой студенческий клуб. В смысле, он так не назывался и вообще не слишком долго продержался — непонятно было, чем молодежь там занималась, и его разогнали. Но с тех пор подсобка пустовала. Там, правда, не делали ремонт, и что-то еще от той секты осталось — пойдем вместе посмотрим.

— Здорово!

Я реально была рада, потому что голову сломала, как организовать свою работу именно в том плане, что у меня не было ноутбука — дома стоял мощный компьютер, на который я потратила заработанное в сауне в первые два месяца — и в кабинетах преподавателей пристраиваться где-то мне не хотелось. Я любитель тишины и одиночества, чем с Оксаной и поделилась.

— Ой, да ладно! — махнула она рукой.

Пока спускались на первый этаж, я поймала себя на том, что привычно ищу глазами Виталию. Но ни его, ни Верховой не было видно. Две ее подружки стояли у окна и о чем-то весело щебетали, а королевы не было. Чуть дальше я увидела Олега с двумя его постоянными спутниками — этот тоже имел свою свиту. Прямо университет не имени Ломоносова, а во имя двух мерзких мажорчков — все только и смотрят им в рот. А то как же еще?! Медиамагнат —

это пятая власть в стране, а этот и в первые четыре двери пинком открывает. Вернее, их перед ним распахивают, виляя полами дорогих пиджачков.

Стало противно. И обидно до спазмов в желудке, горле и в сердце — неспроста же нет Грома и Верховой, наверняка вместе где-то прогуливают. Уже и кабинет, и комната в общежитии не так радовали.

А когда я этот кабинетик увидела, так вообще чуть корзину для бумаг с выданной канцелярией не выронила. Хорошо, ноут болтался в чехле на плече.

Абзац просто. Точно — здесь была тайная вечеря. Или сход масонов. Или рептилоидов. Не меньше. Всю стену занимала карта Москвы и Подмосковья, на ней пестрели какие-то отметки: красные кружки, синие и зеленые линии и просто дикое количество каких-то черных отметок, вокруг которых нарисованные, словно по циркулю, полукружья. Явно план по захвату города. Но это ладно. А вот свалка, в которую превратили комнату, угнетала. Дальше метра и войти было нельзя — все завалено офисными стульями, старыми досками, ведрами из-под краски и шпаклёвки и неизвестно чем еще — за горой мусора не просматривалось даже окно.

— М-да... — протянула Оксана. Помолчала немного задумчиво и сказала ободряюще: — Подожди тут, я сейчас...

И ушла, цокая каблучками по опустевшему коридору — шли ленты. Я терпеливо ждала, пока она вернется. Вместе с ней пришел зав по хозяйственной части, развёл руками:

— А я что сделаю? Выкинуть не могу — стоит на балансе, как спишу, так вывезут.

— Так спишите! Это же просто хлам! — не растерялась Оксана и пнула носком туфли какую-то картонку. — Вот эти банки тоже на балансе стоят? — она указала на пустые ведра из-под строительных смесей.

— Стоят, — кивнул мужчина.

— Так пустые же!

— Перерасход образовался, — снова покладисто кивнул завхоз, — студенты же ремонт в кабинетах делали, им же казенное не жаль, вот и вышло, что по документам краска и известка быть должны, а на деле нет их.

Непробиваемый.

— Хорошо, вы можете списать ее на ремонт вот этого кабинета?

— Так списано уже, а ремонт делать нечем, — ответил мужчина невозмутимо. — И в подвале не будет в помещении, в котором студенты просят дополнительную камеру хранения сделать.

А вот это плохо. Я слышала разговоры о том, чтобы сделать что-то типа шкафов с ячейками для студентов, чтобы они могли что-то оставлять здесь, в универе, а не таскаться с тяжелыми сумками без лишней необходимости. Но ведь у меня-то теперь будет целый кабинет!

— Оно пустое? — тут же нашлась Оксана.

А я слушала странный диалог и впитывала изнанку университетской жизни. Даже интересно стало, чем этот батл завершится.

— Так нет средств, чтобы шкафы заказать. Да и не разрешит никто — ни по каким санитарным там нельзя хранилище сделать.

Упс.

— А свалку можно? — уточнила секретарь, прищурившись.

— Так... э-э-э... — мужчина взглянул на кучу торчавших как попало ножек, почесал лоб и ответил: — Ну, если очень надо...

— Очень, — проникновенно ответила Оксана, тряхнув волосами и приложив руку к сердцу.

— Ну-у-у... а кто это таскать будет? Я даже...

— Вадим Николаевич! — перебила Оксана, предвосхищая его недовольство. — Вы мне ключи от того помещения дайте и покажите, где оно, а мы сами тут все перетаскаем!

— Сами?.. — с сомнением окинул нас взглядом завхоз. — Мне ж Андреич потом шею свернет...

— Вы не переживайте, я с ним сама поговорю, — так убедительно ответила Оксана, что я поверила, что ректор свою секретаршу точно послушает.

— Ну... пойдете...

— Иди в приемную и посиди пока там, — Оксана положила ладонь на мое предплечье, взглянув на кучу всего в моих руках. — Будет тебе кабинет.

Мы пошли по коридору вместе, но я поднялась по лестнице, а они отправились вниз. Неожиданно зазвонил мой телефон.

— Да, бабуль, — ответила я.

— Мариш, тут курьер пришел. Ты что-то заказывала? — громко спрашивала она, потому что немного глуховата.

— Нет, ничего не заказывала. Ошибся, наверное.

— Стоят твои фамилия, имя и отчество и адрес наш. И заказ оплачен. Что мне делать-то? — настаивала растерявшаяся родственница.

— Я не знаю... Ну-у прими, раз оплачен. А что там?

— Цветов букет и коробка какая-то длинная, сантиметров тридцать.

Цветы?

По коже прокатилась волна мурашек — вдруг это от Витали? Больше ведь не от кого. Я невольно заулыбалась, чувствуя себя такой глупой дурочкой — растаяла уже и потекла розовой лужицей, хотя сама еще не знала, кто отправитель. А вдруг Антон? Пару раз мы занимались у меня, готовили совместный реферат. Тогда он и решил приударить за мной. Я же собралась с ним в кино? Можно же цветы принять да презент? Можно.

— Бабуль, возьми, только не открывай сама, ладно?

— Да ладно-ладно. А ты не задерживайся дотемна, маньяка еще не поймали! Ой, что творится, Мариш, я вот по новостям сегодня смотрела...

— Бабуль! — поток её красноречия нужно давить в корне, потом шансов не будет. Я это отлично знала. — Я не могу разговаривать об этом сейчас! Подожди меня и расскажешь, хорошо? Мне правда интересно, но некогда, бабуль! — добавила я умоляюще.

— Ну ладно, забрала я твои цветы. Пойду вазу поищу. А букет-то бога-а-атый!

Она положила трубку, а я прислонилась к стенке рядом с приемной. Сидеть там одной не хотелось совсем.

Глава 6. Ноу-хау

— Итак, жду инфу. — Я привалился к стене рядом с дверью подъезда, выпуская дым из ноздрей. Типа огнедышащий дракон, ага.

Крош пританцовывал рядом. Я просто пришел, позвонил в дверь его логова и вытащил за грудки на улицу, в чем он был. Я бываю резкий, когда злой. А на него еще долго буду злой из-за Маринки. Вот он и приплясывал в шортах, футболке и сланцах.

— Я про тебя тоже много чего знаю, — оттопырил губу пацан.

— Значит, уже в курсе, откуда я все знаю о тебе и твоих приятелях. И что крепко держу вас за яйца — тоже.

— Батон не при делах. Мы с ним здесь познакомились.

Я молча сделал затяжку, запрокинул голову и выпустил дым, помолчал и так же, не глядя на хакера, сказал всего два слова:

— Ира Волкова.

Крош дернулся, как от удара с ноги в зубы. Я его понимал. Нас, как оказалось, связывала не только Маринка, но и эта неизвестная мне девушка. Жертва, как и Танюшка. Большой город, а связи с жертвами на каждом шагу. Только вот с убийцей — слишком тонкий неуверенный след. Мне без Кроша и его дружка никак не обойтись.

— Заткнись... — глухо выдал хакер.

Я посмотрел ему в глаза:

— У меня тоже есть такое имя. Поэтому вы нужны мне, а я вам. Работаем?

Я протянул парню руку. Он переступил с ноги на ногу, явно что-то прикидывая в уме (уверен — вспоминал досье на меня, которое наверняка нарыл раньше, чем сделал то, что я просил), и сжал мою ладонь.

— В общем... это надо видеть. Заходи, — махнул рукой и повел меня к себе, — только тихо, дед у меня контуженный, а сегодня уже поддал. Чужих не любит, застрелит еще.

Я вошёл следом в лифт и хмыкнул:

— А тебя-то как не пристрелил?

Я вообще-то имел в виду те «чудеса», что творит Крош, сидя за компом, и совсем не ожидал, что он спустит футболку и покажет огнестрельную рану на плече:

— Он всю Великую пешком прошагал, тридцать танков подорвал, сорок ранений, осколки в голове. Трофейную винтовку у него после того, — дернул простреленным плечом, — участковый отобрал, всё замяли, но дед — зверь.

У героя войны внук насильник?

— Тебе яйца надо было отстрелить, — озвучил я мысль.

— Да не сделали бы ничего с твоей девчонкой, попугали бы немного...

Я вспомнил Маринкины глаза по пять рублей и мокрые джинсы и сам не понял, как впечатал парня в стенку лифта, сжав горло:

— А если бы Иру Волкову вот так же «попугать» кто решил? — прошипел ему в лицо. — Если бы мог один справиться, в жизни бы к таким ублюдкам за помощью не пришел, — отпустил его кадык и замахнулся кулаком, но лифт остановился, и я просто не слишком сильно ударил рядом с головой Кроша. Вышел первый. — Как деда зовут?

— Карелий Петрович, — услышал за спиной. — За девчонку извини. Правда, дурь какая-то нашла...

— Дятел экстази подогнал? — я обернулся и по поджавшимся губам пацана понял, что попал в десяточку. — Придурки... — процедил уже тише.

И вспомнил Алинку. Все-таки надо навестить. Поморщился.

Крошев открыл незапертую дверь, и я услышал раскатистый храп. Не знаю, такой ли уж зверь этот дед, а храпит он как рота солдат в громкоговоритель.

Квартира оказалась двухкомнатной, парень обосновался в большей из них. Судя по обстановке, функции гостиной она не носила. У стены стояла широкая многофункциональная кровать со столиком, массажным креслом и полками в подлокотниках во всю длину спального места, встроенными колонками, ночной подсветкой, пуфом и комодом. Изножье — банкетка с ещё одной системой хранения. Напротив на стене — большой жидкокристаллический экран. Под ним...

...компьютерным столом эту хакерскую студию назвать было сложно. Два ряда мониторов — не самое главное. Сама столешница служила системным блоком. Подсвеченные синим и белым, между двух стекол крутились вентиляторы, тянулись провода, крепились платы... Вся задняя стенка слоеной столешницы — выводы для подключения периферических устройств: нескольких принтеров, среди которых и 3D, этих самых мониторов, клавиатур — одна сенсорная прямо на стекле, другая чуть ли не вертикальная, с портами-держателями для сотовых и сканером отпечатка, еще одна — будто разломанная на две части.

Это далеко не всё. Имелись даже отдельно выведенные комбинации клавиш, но тарашиться на это чудо можно было долго.

— Хрена себе... — всё же выдал я.

Такую систему себе отгрохал — в Лэнгли нервно курят. Я залип так, что самому курить захотелось и что-нибудь такое тоже сделать... И кровать такую на «Алиэкспресс» купить. Хрен знает, зачем мне хакерский фарш, но круто, правда. И пацан реально шарит в своем деле. Чёрт. Поймал себя на мысли, что если бы не Маринка — такой спец мимо проплыл бы. Вот же где подтверждается изречение: не было бы счастья, да несчастье помогло.

— Сам делал, — не без гордости, конечно, сказал Игорь.

Оно и понятно — мне вот гордиться особо нечем. Среднестатистический я.

— Играешь? — я кивнул на супергеймерскую конструкторскую клавиатуру Mad'Catz STRIKE. У меня стояла такая же, но Крош свою дополнил разнообразными модулями.

— А то!

— С такими наворотами, наверное, круто. И девчонок не надо в парках ловить, — все равно зацепил я его.

— Блять, достал ты! — вызверился парень. — Извинились уже, чё тебе ещё надо?! Веник ей принести и на колени пасть?!

— Ладно, проехали, — рыкнул я. — Давай, что ты там нарыл?

Хакер что-то сделал, и все мониторы разом засияли нужными мне профайлами. Изучить было что, а мне еще и сопоставить. Тут, если смотреть бегло, не поймешь. Черт...

— Слушай, а биллинг... сможешь?

— Конечно, — пожал плечом парень и неуловимым движением оказался в кожаном кресле перед компьютерным станком.

Просто улет! Я еще не мог прийти в себя от этой крутизны с подсветкой. Не, Крош — реальный пацан. Теперь дело быстрее пойдет. И так который месяц на месте топчусь.

— Тогда всё на карту памяти кидай, — я вытащил из кармана сотовый и присел на банкетку. — Что ты там сказал про «это надо видеть»?

Пара секунд — и на огромном мониторе развернулась карта Москвы и ближнего Подмосковья. Через ещё пару секунд приблизился сектор Западного округа города, загорелись какие-то метки.

— Красным, — Игорь пальцем показал на точку на экране, — отметил место, где нашли Иру. Желтым — остальные жертвы... — Прямо на глазах все точки соединились в искореженный угловатый и кособокий, но все же почти круг. Точнее — кляксу с лучами. — Я порылся

кое-где, — он повернулся вместе с вращающимся креслом, — в общем, взломал сервак СК, на всех жертвах были чокеры с детонаторами. Походу, у них ограниченный радиус действия.

— Ты считаешь, при удалении на большее, чем какое-то допущенное, расстояние им отрывает головы?

Я встал, подошел ближе, мысленно соединяя лучи в одну точку, и, будто отвечая на мои мысли, её обвел синий круг. Знакомый район. Там находится очень много всего. Психиатрическая клиника Вадима Юрьевича, например... И...

— «Синий филин» — единственное место в этом районе, где Ира была пару раз, продолжил мои мысли Игорь. — Но ты же это знал?

К сожалению. И чокеры с детонатором тоже не новость.

— Скинул? — кивнул я на свой сотовый лапоть. Хакер без слов отцепил его и вернул мне. — Вот что... еще нужна карта уличных видеокамер в радиусе плюс, скажем, километр к очерченному. Сделаешь? И ты всяко ломал «Филина»...

Крош кивнул:

— Но сломать не смог. Нужно вкинуть вирус в систему, а для этого как-то туда попасть. И даже если попадешь — защита заблокирует любую левую флешку, охрана скрутит за пятьдесят секунд.

— Есть идеи?

— Я кое-что начал тут... Парень развернул какое-то окно, но я понял только, что на экране открылся программный код. — Если доработать утилиту и хотя бы на пару сек вставить флешку в любой разъем, у меня появится возможность запустить «Иллюзиониста». — На мой немой вопрос Крош широко улыбнулся, абсолютно довольный собой. — Это мое ноу-хау — искусственный интеллект, который... — он помолчал, глядя на моё тупое выражение лица — я ни хрена не понимал — и махнул рукой: — Забей. Всё равно в клуб не попадешь.

— Хреновый ты хакер, — ухмыльнулся я. Чертовски приятно чувствовать, что гений кое-что упустил. — Сколько надо времени на это?

— Ну... если ускориться, может, месяц... недели три...

Я встал и хлопнул парня по плечу:

— Ускорься.

Сбежал по лестнице на первый этаж, вышел на улицу и закурил. Нужно было сгонять ещё в одно место.

Не накрашенная, в шортах и футболке, босая, с кое-как собранными в хвост волосами Алинка выглядела беззащитной и трогательной. Налёт высокомерной суки слез с неё как старая кожа, обнажая совершенно другое лицо. Она обнимала... того самого пухлощёкого пупса, которого должны были доставить Маринке! Я схватился за лоб, представив, что будет, когда пигалица получит то, что я заказывал для Алинки.

Это провал, Штирлиц!

Верхова прижималась губами к чепчику куклы и смотрела куда-то перед собой, немного покачиваясь из стороны в сторону.

— Алин... — позвал её, потому что она никак не отреагировала на мое появление.

А чтобы попасть сюда, мне пришлось снова поднапрячь дока Юрьича, потому что папаша-Верхов категорически запретил дочурке какие-либо контакты с внешним миром. Хорошо, что охрана у двери в комплект его оградительных мер не входила, хотя я подозревал, что это просто владелец клиники наплевал на мандаты и фейс магната и отказал ему в этой сомнительной роскоши. Мой подарок тоже Алинке доставили после того, как курьер позвонил и сказал, что посылку не принимают, а она ж оплачена. Док подсутился — кукла вручена.

Только посылал я её Маринке с толстым намёком, но, чувствую, попал к ней только толстый намек... Когда дед Фрейд говорил свое знаменитое «Всё — член», он явно имел в виду меня.

— Виталья! — вскинулась старшекурсница. — Как тебя пропустили? — и такое предвкусение в глазах, что папаша смилостивился, аж жалко её стало.

Но я старый солдат и не знаю слов любви.

— Незаконно и инкогнито, — развеял я прах её надежды по ветру её же горького вздоха. — Как ты?

Шаблонов для этой встречи я заготовил много. Первый ушёл. Вторым я готовился сразить наповал уже вот-вот.

— Спасибо, хреново, — буркнула она.

К такому меня жизнь не готовила. У меня по списку вопрос «Как тут кормят, может, принести тебе что-нибудь?» в ответ на её «Спасибо, хорошо». А она должна ответить «Нет, не нужно». А я ей: «Ну ладно, но если что — я всегда готов!», а она мне...

— Чё приперся?

Вот где неприкрытая правда и четко по делу! А то губки бантиком, сиськи пистолетиком... К черту шаблоны.

— Тише, детка! — выдал... с эхом.

И в груди словно разлилось расплавленное железо — черт, неужели снова?!

Сердце бросилось в галоп и скакало бешеной лошастью так, будто ребра стояли на его пути препятствиями одно выше другого.

— А ты как сюда попал?! — раскатился по шкуре озноб от злого голоса Верхова.

Ноги ослабли, пот прошиб кожу на лбу и висках. Я глазами искал, куда сесть, и рухнул на стул, словно у меня выдернули ноги. Чувство, будто мою голову вытащили из-под топора палача в последнее мгновение, а он ударил вхолостую, едва не отрубив ухо.

И только теперь по фыркнувшей и тут же вернувшей себе надменный вид Алинке я понял, что вопрос был адресован не мне, а её папаше. Высокие отношения бывшего братка с дочерью.

— Ты меня слышишь, щенок?! — взревел оставленный без ответа магнат.

Я б его даже обнял за то, что он так орет, но слабость еще не прикрутилась до отметки «могу стоять», потому выдал жалкое:

— Аф.

Верхова рассмеялась внезапно и так громко и весело, что я заразился её весельем. Отпустило сердце, я сидел и хихикал, как конченный придурок, а смех набирал обороты с каждым звуком, пока мы уже вдвоем не заливались с Алинкой неуправляемым безудержным хохотом. Чувствовал себя идиотом, знал, что сейчас с меня спустят шкуру, но остановиться не мог. Алинка хохотала над моей выходкой или своим отцом — её дело, — меня же просто попустило после того, как нешуточно так приложило мозгом о черепушку. Нервный такой неуправляемый хохот облегчения.

За шкуру меня-таки выкинули в коридор две здоровые пятерни разъяренного магната. Я шмыгнул носом, последний раз весело хрюкнул и затих, размазанный по стенке около двери Алинкиной комнаты. Дежавю. Верхов когда-нибудь сделает из меня фотообои, как пить дать.

— Я еще раз задам тебе вопрос. Как. Ты. Тут. Оказался? — выцедил мужик, так близко склонившись к моему лицу, что чтобы взглянуть в его глаза, приходилось бегать от одного к другому своими. Зато рассмотрел: карие. Ничего особенного. Злые невыебенно, но приговора я в них не прочитал. — Отвечай! — он встряхнул меня ощутимо.

— У меня свои ходы, — скрывать я смысла не видел. Мог сказать, конечно, что залез в окно, но зачем? Он умный, играть с ним опасно. Такие уважают правду, смелость и наглость. — Вам их не перекрывать.

Он вроде и не прищурился, а зрачки, собравшиеся прицельно в точки, заметно сузили разрез его глаз.

— Дерзишь... — постановил очевидное.

— То ли еще будет.

Знал бы я, что ляпнул пророчество...

Верхов меня отпустил, шагнул в сторону, давая отлипнуть от стены, постоял пару секунд и пошёл по коридору прочь. Через несколько шагов, не оборачиваясь, рыкнул:

— Пять минут. Потом поговорим, — показал через плечо растопыренную пятерню.

Ну ок. Меня это устраивало.

Я открыл дверь и вошёл в комнату Алинки. Она сидела на кровати, сложив ноги по-турецки. Сел рядом, не спрашивая разрешения.

— А ты самоубийца. Иди просто дурак, — она заулыбалась так искренне и открыто, что я уже и не мог понять, почему вообще решил, что «Чё приперся?» относилось ко мне. Видел же, как она в лице переменялась, словно подобралась вся перед этим вопросом.

Проблемы отцов и детей налицо.

— И то, и то — чего уж мелочиться? — усмехнулся я. — Сейчас выйду из клиники — закатает в цемент и в Москву-реку спустит.

— Он может, — она кивнула, пытливо рассматривая меня, словно первый раз видит. Протянула руку к пупсу и снова обняла его. — У меня никогда не было кукол. Спасибо, Вит.

— Не было кукол? — не поверил я. — У каждой девчонки их по несколько.

— У меня не было мамы, она умерла при родах. Так, няньки и папкины шлюхи. На одной из них он женился, — она скривилась, прикусила губу и отвернулась.

— Иди ко мне... — я притянул Алинку к себе. Она доверчиво уткнулась мне в плечо подбородком. Чисто маленькая девочка, даром что буфера — просто атас. Погладил по волосам, коснулся их губами. — Если выживу, приду ещё. Если нет — кинь как-нибудь венок на воду, — пошутил мрачно.

Она промолчала, а потом отстранилась и выпрямилась, как палка, а я услышал шаги за дверью. Папаша вернулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.